

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ДЖЕЙД ДЭВЛИН

ХОЗЯЙКА
КОРНЕЙ

Джейд Дэвлин

Хозяйка корней

«Автор»

2020

Джейд Дэвлин

Хозяйка корней / Джейд Дэвлин — «Автор», 2020

В другой мир, в рабство наложницей? Ага, щаззз! Я вообще-то профессионал и взрослая женщина. В гарем не гожусь. В сказки не верю, приключения не люблю. А если уже попала... ну, вампирам, оркам и прочим гномам тоже нужны стоматологи. Содержит нецензурную брань.

© Джейд Дэвлин, 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	30
Глава 11	33
Глава 12	36
Глава 13	39
Глава 14	42
Глава 15	44
Глава 16	47
Глава 17	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Джейд Дэвлин

Хозяйка корней

Пролог

Он вздрогнул и проснулся. Опять... опять этот сон. Сколько лет он уже снится? Не сосчитать.

Эта женщина. Та, из-за которой он когда-то ушел из дома и стал... тем, кем стал. Красивая? Он так и не разглядел, потому что во сне был туман. Но...

Ее губы. Ее руки. Смех. Они были такими настоящими. И совсем не похожими на объятия клановых наложниц. И в ее глазах не было глубоко спрятанного за показным весельем страха. Она была живой, без этого равнодушного отчаяния подневольных кукол.

Он рассеянно налил в серебряный стакан воды и залпом выпил. Ночь. Надо спать. Но вдруг она снова... Чего он боится? Что эта женщина опять придет в его сны или что... не придет?

Чужая и далекая, вместе с тем – родная и близкая. И эти ее прикосновения... возбуждают сильнее, чем самые изысканные ласки обученных невольниц. Женщина-загадка. Видение. Наваждение. Та, которой нет...

Глава 1

День был подозрительно безоблачный. Не сообщили в шесть утра, что вечернюю смену заменили утренней. Выспалась.

Доехала без пробок и легко припарковалась возле любимой государственной стоматологической поликлиники. Не постирала карточку от раздевалки в кармане халата, и никто не занял мой шкафчик, даже Толик-трудоголик – повышенная ответственность перед семьей, пониженная перед коллегами.

Коллега по смене – подарок. Ладно, почти подарок. Андрюша – добрый, вежливый мальчик из Орла, сердиться на которого невозможно. Даже когда не может за полчаса удалить зуб и мне приходится спасать двух бедолаг: Андрюшу и пациента.

Пациенты тоже радовали: хорошие люди с простыми проблемами, не забывшие почистить зубы. За четыре часа отправила на рентген лишь одного. Снимок удался с первого раза.

За окном понемногу стемнело. И начался парад подлянок.

Сначала позвонил Витасик. Исходя из своего печального опыта, время подобрал подходящее – проветривание кабинета. Вот только, как всегда, за пять минут до конца, и, как всегда, беседа вышла с затыком. Пациент уже доверчиво распахнул рот для анестезии. Заодно уши: интересно же послушать ангелов в белых халатах. И слышит мой стопятидесятый диалог с Витасиком о том, почему я еще не бросила свою бомжатскую зубодерню и продолжаю лечить зубы оркам и гоблинам этого города.

Радует лишь то, что в кресле не пациент, а пациентка, к тому же возрастная, скорее всего, далекая от фэнтези. Лихорадочно вспоминаю фильмы и мульты, просмотренные с Катёнком, чтобы понять, существуют ли самки орков? Похоже, существуют, но пациентке это знать не обязательно.

Дама с нагноением корня так и не поняла, что бойфренд доктора обозвал ее монстром, и ушла на рентген.

Что же касается Витасика, он был отправлен в словесный игнор. Грубовато вышло. Но пусть научится понимать по интонации, что я погружена в процесс. В чужую пасть.

Следующий пациент был реальный орк, съевший тухлую лошадь и забывший почистить зубы. Мог бы извиниться! Нет, ведет себя будто когда-то дал мне в долг, выросли триста процентов, а я не спешу отдавать.

Короче говоря, когда закончилась смена, я была готова кусаться. Мечтала сбежать из клиники, не оставив за собой груды жертв, но и тут не повезло. Когда я уже накинула пальто и сдала ключ от кабинета, меня тормознул наш КсанКсаныч.

– Иевлева! Ты меня сколько еще завтраками кормить будешь? Все отделение уже санкнижки оформило, одна ты от коллектива отрываешься. Ну что за детский сад, в самом деле! – КсанКсаныч укоризненно покачал ухоженной бородкой и посмотрел на меня сквозь толстые стекла очков взглядом раненого муми-тролля. – Врач, а кровь на анализы сдать вовремя не можешь. Это даже бесплатно и без очереди, всего-то надо вовремя прийти в поликлинику. Неужели так трудно? Что за безалаберность?

У-у-у, завелся. Так-то наш зам-зав-глав мужик отличный, но зануда просто фантастический. И если не остановить его нотацию на старте, он мне еще полчаса по ушам будет ездить своими нравоучениями.

– КсанКсаныч, да сделала я, сделала все, завтра принесу! – Я с самыми честными глазами проскочила мимо, ловко уклонившись от начальственной длани. КсанКсаныч имел злостную привычку уловить собеседника за пуговицу и держать, пока не заболтает до полусмерти.

– Иевлева! Только попробуй не принеси! – уже из-за захлопнувшейся двери услышала я, выскакивая на крыльцо.

Глубину катастрофы я осознала, когда отъехала от клиники. Отъехала не сразу. Обычная проблема тесных питерских парковок – какому-то пациенту нужна офтальмология, а не стоматология, и он радостно припарковался под знаком «только для персонала». Естественно, этот жук-олень меня заблокировал.

Отъехав от стоянки, я задумалась над веселыми перспективами. КсанКсаных – феноменальный зануда с феноменальной памятью. Уже слышу его реплику при завтрашней встрече: «Здрассте-санкнижку-принесла?» Значит, кровь из носу, а кровь с утра должна быть.

Только как? Районная поликлиника закрыта. Это ж я наврала так отчаянно, просто чтобы он отвязался. И в тот момент не подумала, как буду решать проблему. Хотя... умному человеку с деньгами и закрытая бесплатная клиника не препятствие. Так, порядок. Остановиться, гугл в помощь, вбить в навигатор, доехать. Благо время уже ближе к десяти, пробок в нашем районе почти нет.

Ага. Тормозим. Ай, какие молодцы, даже щит у обочины светится. «Санкнижки, справки, анализы за час. Работаем 24 часа». И мерцающая стрелка, чтоб не заблудиться.

– Так уж за час, – проворчала я. Может, это компенсация за проблемный вечер? Счас проверим. Ну что, Лилия Юрьевна, шарашкина контора ждет нас? По стрелке, во двор, в подвал. Контора «Рога и копыта» от медицины. Однодневки... надо будет потом для очистки совести пойти и сдать анализы в нормальном месте. А сейчас – отмазка, чтобы КсанКсаных мне голову не отъел.

Дверь с чего-то закрыта. Это называется «работаем 24 часа»? Ну, если я сейчас позвоню, а мне не откроют, будет весело. А, нет, пищит домофон, за дверью шаги.

Сразу стало понятно: шарашка здесь недавно. Свежая побелка, покраска и сильный дезодорант. Запах приятный – степь в жару, чабрец, зверобой. Не иначе, раньше была закусовая, где десятый чебурек жарят на одном масле. А толпа-то какая! Ничего себе! Это мне что, до утра тут сидеть? А куда деваться, с другой стороны. Сдать, получить, пропечатать, принести КсанКсаныху чертову санкнижку и записать потом в ежедневник крупными буквами: «Лекарство от склероза, дура! И нормальная санкнижка!»

Девушка в регистратуре удивила серьезностью подхода. Не так, будто вчера в маникюрном салоне работала, а сегодня раз – и в клинике. Новенький халатик, белая шапочка, маска на лице, так что цвета глаз почти не видно. Лучшая невеста для шейха. Впрочем, тут целый холл таких – как я поняла из мимолетно услышанных разговоров, какой-то колледж девчонок пригнали на медосмотр, прямо курсами. То-то такая толпа! Но работа спорится у ребят – девушки одна за другой так и мелькают в дверях процедурных кабинетов.

Медсестра на ресепшене заполнила мою анкету быстро, времени не тратила. Возраст, вес, группа крови, травмы, болезни. О работе еще. Парочка вопросов меня удивила. Хотела спросить: «В отряд космонавтов берете?» Но девушка тарыхтела клавиатурой с такой скоростью, что отвлекать ее я не решилась, а свое время тратить – тем более. Мне еще позвонить дочери сегодня надо. Катёнка расспросить о новостях юной взрослой жизни. Она только месяц как съехала к своему парню, все еще звонит каждый вечер поболтать с матерью о своем, о девичьем. А я и рада.

Как только анкета с негромким писком ушла вглубь компьютерной системы медцентра, меня пригласили в один из кабинетов сдавать кровь. Оперативненько... хотя и немного странно – я даже не сразу поняла, кто производит забор: лаборант или лаборантка. Тут не то что маска, тут мумия. Ну все, теперь, если верить девочке с ресепшена, надо подождать полчаса. Понимаю, на самом деле час будет. Ох, совесть-то покалывает, не люблю халтуру – ладно хоть кровь взяли, а всякие гинекологи-окулисты-неврологи будут на бумажке в виде разноцветных штампов. А кому сейчас легко?

Раскинувшись в мягком кресле, я профессионально заткнула уши каким-то ненапряжным сериалом и задремала под аккомпанемент киношных реплик, девчачьего щебетания и собственных мыслей о том, как дошла до нынешней жизни и нужно ли что-то в ней менять. Даже не знаю, сколько времени медитировала, пока дрему не прервал хриловатый голос из динамика:

– Ивлева, пройдите в кабинет № 6.

Ну, встала и пошла. Еще подумала: почему на регистратуре справку выдать не могут? Что за странная организация работы? Я ж сквозь дрему слышала, что девушек тоже вызывали по кабинетам, но не всех, а человека два-три из группы. А остальным выдавали справки на ресепшене. В чем прикол?

Я открыла дверь в ка... Нет, это еще не кабинет. Это короткий тамбур, с лампочкой, которая не светит, а имитирует освещение. Дверь закрывать не стала, так она любезно захлопнулась за спиной. Вроде даже будто щелкнуло. Замуровали, демоны?

Нет. Дверь в кабинет оказалась не заперта. Господи, что за шарашкина контора со странностями? Чтоб я еще раз, клуша беспамятная, в такую авантюру ввязалась. Ведь КсанКсаных месяц нудел, а я все откладывала. Дооткладывалась.

Первая мысль, после того как я все же переступила порог кабинета: здесь на дезодорантах экономят. Что их тут, затопило, что ли? Запах какой-то болотный. От такого запаха ноги вязнут, будто попала в жижу.

Да, правда, заплетаются немного. И язык заплетается. Что жалко, потому что я хотела сказать им насчет антисанитарной обстановки.

Только ничего сказать не успела. И не разглядела тех, кто ждал меня в кабинете. Еще подумала: что за дурная шутка с зелеными масками? И почему они не говорят, а цокают-щебечут, как голодные синички?

...Яркий свет в глаза. К лицу прижали какую-то тряпку. Это уже не болото, это болотный концентрат.

Всё, ни света, ни запаха, ни цоканья. И, наверное, на морде у этого гада-главврача не маска. Это его настоящее обличье.

Зеленое, отвратительно воняющее плесенью болото накрыло меня с головой.

Чпок!

Глава 2

– Ц-ц-ц! Р-р-р-рчак-чак! Ц-цвыш-ш-ш! Куа-акц! Куа-акц!

Сквозь дикую головную боль мне все время мерещилось это противное цоканье и кваканье, словно я во сне провалилась в болото на репетицию хора сумасшедших лягушек. Черт, как я умудрилась заснуть в такой неудобной позе? В одежде, что ли? Почему у меня ощущение, словно я по рукам-ногам спеленута и меня куда-то несут, покачивая?

В правый висок почти у линии волос вдруг впилось что-то, больше всего похожее на особо откормленного комара. Ай! Черт, не столько больно, сколько неприятно, и зудит страшно. Даже головную боль почти перекрыло. Что за дрянь?

Тогда почему так воняет плесенью и совсем не пахнет лесом? Ничего не помню. Я попала в аварию в лесу и меня несут на носилках в скорую? Вспомнила: какие-то анализы должна была сдать. Ничего, теперь бесплатно сделают.

Сознание попыталось уплыть обратно в болотную дымку, но я усилием воли его удержала, прикусив до крови губу. Солоновато-пряный привкус во рту неожиданно подействовал отрезвляюще, даже слишком. Мало того что мгла перед глазами начала редеть, так еще и бесконечный цокот над головой вдруг стал распадаться на знакомые слова.

– На заклития проверил?

– Сразу, как только провалилась. Чисто. Эти шкрышцы с Чакра колдуют хуже, чем ты летаешь.

Странно. Одни слова сразу понятны. Другие... Нет, кто-то подсказал в голове, что шкрышца – небольшое дойное домашнее животное, а Чакр – место, откуда я к ним попала. Или Петербург. Или Россия. Или планета Земля. А еще мы, шкрышцы с Чакра, колдуем хуже, чем этот урод летает. Значит, он не летает.

Еще страньше – почему я, блин, не ору: «Поли-и-иция, спаси-и-ите, меня похитили-и-и-и!», а спокойно рассуждаю. Только глаза как следует открыть боюсь, подглядываю сквозь ресницы. А потому, что полиция осталась в моем Чакре. Если же это какой-то бесконечный наклонный бункер, а меня тащат двинутые маньяки, то полиции тут тоже нет.

Ну и главное: эти маньяки, или нечисть не от мира сего, не знают, что я в сознании и их слышу. Иначе не разговаривали бы при мне так свободно. И это единственное хорошее, если в моей жизни еще что-то хорошее осталось.

– Оружие?

– Не. Я у этой козы мешок сразу проколдовал: ни лезвия, ни яда.

Что за мешок? А, это моя сумочка. Я ее чувствую, ремешок все еще обмотан вокруг запястья, и рельефная металлическая пряжка приятно холодит пальцы. Ну да, если бы ее не было, значит, уже рука оторвана. Иначе бы не отдала. Рефлекс у меня – там не только карты, деньги и документы, но и вообще самое необходимое для жизни. Помру, а не отдам. Кстати, автопереводчик в болящей башке окончательно настроился, раз «шкрышцу» переводит как «козу».

– Давай постоим, понутрим ее мешок, вдруг что ценное есть?

– Тебя верблюбык лягнул? – так перевелось местное животное. – Забыл контракт? Коза из Чакра передается хозяину со всей одеждой и грузом. Узнает, что в вещах рылились, – получит товар бесплатно.

Услышав это, я сперва обрадовалась – значит, поганой лапой в сумке не шарили. Но вот насчет хозяина... что еще за хозяин? Они совсем с дуба рухнули – сорокалетнюю тетку в гарем продавать? Ослепли, что ли? Не, я еще внешне очень даже ничего, но на юную девственницу точно не похожа.

– Ты ей амулет языков впечатал? Нормальный, шнур тебе под хвост, или, как в прошлый раз, с черного рынка дешевку приволок, а разницу на пиво? Еле сбагрили потом дур, у которых то эльфийский заедает, то вампирий клинит.

– Отзынь... нормальные, лицензионные руны. Сразу же впечатал, как всем чистокровкам, – ответил пиволюбивый блюстителю контактов. – Пришлось поторопиться с этой партией. Аукцион уже скоро, а надо, чтобы до того, как она вечный ошейник получит, часа три прошло. Иначе от двух амулетов могут из головы все мозги вылететь.

Опять чуток позитива: меня ценят настолько, что снабжают лицензионными рунами и берегут мозги, то есть как минимум не сожрут в ближайшие несколько часов. Поставили персональный переводчик. Но вот насчет хозяина – это совсем радости мало. Это что еще за новости? Тем более вечный ошейник. Звучит угрожающе.

– Клади ее и пошли. Скоро новая доставка. В этот раз на аукцион господин Раймош заявился, ему минимум три штуки понадобится.

– Тьфу, только зазря чистокровок переводит на свое вампирье потомство, кровопивец. Душа болит, такие годные девки...

– Ничего, платит он исправно, а дальше не наше дело. Кстати, Де Крассоны из Нижних Клыкков тоже пожаловали, наследник у них созрел. Эти выбирать будут еще придирчивее.

– Ну дык. Чистое чрево для продолжения рода – это тебе не просто дорогую куклу память, это дело важное... Ладно, порядок. На доске ровно, ничего себе не отлежит, так что, когда придет в себя перед самой продажей, хромать и косоротиться не должна. Голову ей тока поправь... а то помнишь, в прошлый раз была одна, из обычных дикарок, но в наложницы которая, все плечом дергала и кривилась. Чуть не отбраковали, а потом оказалось, что у нее просто шея затекла. Иех, всему-то тебя учить надо, бестолочь. Ничего, молодой ишшо, быстро освоишься. В нашем деле главное – товар свежим подать. Еще раз попробуешь, жопа зеленая, на языковых рунах сэкономить – хвост оборву и на шею завяжу вечным узлом, понял?! Это тебе не грязные девки из леса, которым всеобщий вшить – и хватит с них. Это сокровища рода.

– Да понял, понял...

Меня опустили на какую-то плоскость средней жесткости. Вовремя: нос зачесался. Чихнула бы – и они убедились бы, что их груз слышащий.

Шлепающие шаги удалились. А я осталась обдумывать целый ворох информации, вывалившейся на мою голову.

Так-так-так. Отставить панику. Отставить, я сказала! Понятно, что ничего хорошего со мной не произошло, а совсем даже наоборот. Во-первых, здесь торгуют людьми. Как минимум женского пола. Во-вторых, есть хорошие хозяева – для них я обязана рожать. Горбатиться тоже, эксплуатировать – так по полной. И плохие – у них эксперименты. Или, не знаю, еще чего похуже. В-третьих... в-третьих, хватит философствовать, как Робинзон Крузо на пляже. Валишь надо. Это у мужика на острове времени был безлимит. А у меня – до начала аукциона. Надо делать ноги, причем быстро-быстро. Уж вряд ли будет хуже.

Почему нет? А если поймают? Скажу, что сама шла в аукционный зал, заблудилась. Извините, проводите. И вообще, подписку не сбегать я не давала. Да, и насчет хорошего: руки-ноги не связаны, и я всех понимаю. Какую-то руну мне припечатали, причем не где попало, у ведьмы на болоте купленную, а дорогую и лицензионную. Как породистому щенку клеймо...

Всё это я думала, уже стоя. Делая простейшую гимнастику-разминку. Ручки вытянуть, присесть, подняться. Повертеть глупой головушкой, которая меня сюда завела. А ведь знала, знала, что попытка схитрить и проскочить мимо правил на халяву никогда ничем хорошим не кончается! А-а-а, чего теперь сожалеть, прыгать надо. Немного вращательных движений, еще приседание. Всё в порядке, кроме головной боли.

Да, в сумочке нурофен! Капсулу в рот, глоток воды – экономим. Мало ли когда мне еще нормальная питьевая попадет. И в путь.

Куда? Туда, откуда дует легкий, но все же ощутимый сквознячок. Пещера не дикая, под ногами ступени, ведущие вверх. Значит, нам туда дорога.

Тем более – или глюк, или вдали, где-то в конце длинного темного коридора, забрезжил огонек. Вот бы еще голова побыстрее перестала болеть и кружиться... Но мне уже полегче, должно быть, нурофен уже начал действовать.

Глава 3

Осторожно, но довольно шустро пробираясь вдоль влажной стены по темной норе, я все пыталась заставить свой мозг отвлечься от того, какой глобальный звездочек приключился в нашей с ним общей жизни, и заняться делами исключительно сиюминутными: шагать по неровному полу так, чтобы ноги не переломать, за сумочку держаться так, чтобы не посеять где-нибудь, и сосредоточенно желать головной боли скорейшего и плодотворного путешествия к тому, кто меня сюда затащил. И вот пока я всем этим занималась, коридоры сменялись один другим, поворачивали, разветвлялись, опускались еще ниже под землю и снова вели вверх неровными, выщербленными ступеньками. А потом взяли и кончились. Так внезапно, что я едва не вывалилась из норы в огромную, тускло освещенную пещеру с невидимым потолком. Прямо под ноги целой толпе самых разных существ.

Разных и о-очень странных. Вот прямо один вид их убил во мне последнюю надежду на то, что это все какое-то дурацкое недоразумение и меня по ошибке украли турецкие сутенеры для бордельных утех. По ошибке – потому что на фи́га им тетка за сорок, когда по улицам толпы молодых и красивых бегают.

К счастью, эти существа двигались в режиме сотрудников офисного центра, которым начальство только что вставило мощного пистона: все по своим делам, все бегом, никто никому не интересен. Пока один в другого не врежется – не заметит.

Я минуты две полюбовалась на этот базар-вокзал и быстренько дала задний ход, в нору. Огляделась. И сразу нашла шанс на более подходящую точку обзора. Узкий коридорчик вел куда-то в сторону, вдоль стены и наверх. Быстренько поднялась, вышла на балкон, галерею – неважно. Неважно и для чего она здесь – для оркестра, осветителя или снайпера. Главное, архитектура удобная, даже с бортиком, за которым можно присесть. Так, ну что, высовываем нос? А куда деваться...

Пригляделась и поняла – все чужое, незнакомое, страшное и совсем не как у нас. Была бы душой, сказала бы себе, что сплю. Но душой мне быть нельзя, меня продать хотят.

Освещение – прикольное, движущееся. По стенам ползают световые пятна, какие-то лампа-жуки. В центре пещеры летают светляки, размером с голубя. Что-то вроде старинной дискотеки, со светомузыкой, но без музыки. И вообще, все это театральный зал со сценой-помостом у самой дальней от меня стены пещеры, и освещен этот помост лучше зрительских рядов.

Зрители-артисты – кто угодно, только не люди. Больше всего человекоподобных существ с зеленой кожей. Похоже, они здесь главные.

Одеты в бурые спецовки, не знаю, из какого материала, наверное, как у нас спецовки – что-то прочное и немаркое. Ходят сутуло, смотрят в пол, привыкли беречь головы от низких потолков.

Сцена освещена лучше всего, потому что над ней жуки не летают свободно, а висят на поводках, лапками дрыгают. Ближе к помосту кресла, в них сидят существа почеловечней, если так можно сказать. В черных плащах, в белых простынях. У древних римлян они тогами назывались.

Для чего сюда явились эти белые и черные, я одновременно увидела и услышала. Раздался голос с такого же балкончика, только на другой стене, ближе к сцене.

– Торг открывается, торг открывается, торг открывается!

Ой, блин. Чуть не оглохла! Акустика у зала хорошая, чтоб ей ни дна ни покрывки... Интересно, они не боятся, что им каменный свод на голову упадет от таких воплей?

– Сейчас вам будут предложены трудяги с Западного Побережья. Свежие, сильные, полнокровные.

Показалось или нет, что белые простыни и черные плащи удивленно переглянулись?

– Потом вас ждут рабы из Города, опытные в услугах, послушные хозяевам.

Так, подумала я с некоторой злостью: одни рабы свежие и сильные, другие – опытные и послушные. О силе и полнокровии ни слова...

– А потом на помост взойдут цветы и звезды нашего торгового – красавицы из таинственного мира Чракр. Всего четыре девушки, четыре чистых чрева из мира короткоживущих!

Не сразу сообразила, что это за таинственный мир «Чракр», но допетрила, что чистым короткоживущим чревом обозвали наверняка меня и моих соседок по очереди в том распротклятом медцентре. А еще заметила, как оживились Плащи и Простыни. Ха, наверняка они хотели красавиц вывести с самого начала, их и ждали. Но что-то пошло не так.

Что пошло не так? Ха-ха, в смысле не смешно, наверняка эти зеленые уроды умеют считать до четырех и недостачу уже обнаружили. Чрево на ножках встало на эти самые ножки и того... убежало. Спихватились. И если я не хочу на этот помост, надо выбираться из пещеры. Я красавица, я ценная, я чистая и все такое. Даже если поймают – сразу не убьют, то есть хуже не будет. А вот если сидеть сиднем на одном месте, шанс поработать чревом угрожающе растет.

Тут, будто мне в помощь, в углу пещеры, слева от помоста, изменился свет. Стало чуть ярче, как будто уже не светлячки с жуками, а настоящее светило, местное солнце. Так-так-так... а там ведь ворота! Огромные, окованные железом и окрашенные в цвет каменных стен, потому я их сразу не разглядела, пока их не приоткрыли. Хочу туда! На солнышко! Подальше от зеленых сволочей и Плащей с Простынями. Ну-ка... ага, если вдоль стеночки и вон там за тюками, а потом по-пластунски... так, а вон там опять чуть выше галерейка с бортиком... шанс есть.

Еще раз спасибо доброй судьбе за камуфляжное пальто и бескаблучную обувь. Убегать от работорговцев в белом пальто, юбочке и на каблучках – это даже не смешно.

Так что ползла я вдоль стеночки, пока что успешно еще и потому, что народ в пещере был по уши занят своими собственными делами. На помост вытащили каких-то фиолетовых бугаев с рожками. В зале ажиотажа это не вызвало. Распорядитель выкрикнул цену – двадцать каких-то дублей за всю партию в пять штук, покупатель нашелся, никто больше не предложил, и началась передача товара. На помост поднялся бородастый шибзик вроде гнома. Рядом – человечек повыше, в белом плаще. Плащ протягивал руку, касался бугая. Тот вздрагивал и глядел на гнома, будто впервые увидел отца родного, которого всю жизнь искал.

Мамочка, со мной тоже так будет? Не-е-ет.

Еще меня удивила экономия на секьюре. Рабы – бугаи, а зеленых надсмотрщиков только два, да еще третий рядом, с каким-то гаишным жезлом. А если бунт?

Тут один еще не усыновленный бугай будто мои мысли услышал. Рванулся от Плаща, сбил ближайшего стража, подскочил к краю помоста.

Не успела я пожелать ему удачи, как третий страж направил на беглеца жезл. Показалось, что кнопку нажал. Вылетела зеленая звездочка, и бедняга повалился на краю, корчась, как если бы одновременно получил 220 вольт и выпил уксусно-игольчатый коктейль. Стража его за ноги оттащила, и Плащ проделал операцию уже на лежащем.

Четырех фиолетовых угнали, пятого – утащили, а со стороны ворот появилась следующая партия невезучих. Все покорные, унылые, даже без цепей. Ничего плохого или хорошего от жизни не ждут. Среди них выделялся громадный серокожий великан с лицом огорченного булжника, но он тоже мирно шаркал босыми пятками по каменному полу и не пытался рыпаться. Правда, его с двух сторон страховали зеленые жлобы с жезлами, шли по левой и правой обочине примерно в паре метров от великана, направив на него свои палки. Так что все было тихо-мирно-грустно.

Глава 4

Ан нет, одна парочка с эмоциями. Бабка в лохмотьях, с морщинистым лицом цвета моего пальто, и детеныш – посветлее, но в целом похожий. И вот этого внука обслуживающий персонал здешнего аукциона за каким-то бесом решил от старушки оторвать. Наверное, в оптовую покупку не поместился или шел по другому преysкуранту, как молодежь, не знаю. Но при первой же попытке оттащить пацана от старухи эти двое вцепились друг в друга мертвой хваткой и заголосили на всю пещеру. Со слезами и с таким отчаяньем, что мне аж нехорошо стало.

Я даже отдельные крики разобрать смогла: «Не разлучайте нас, я работать буду за двоих! Вашими и моими богами клянусь!» Уже вжимаясь в стену, я буквально зубы себе искрошила, пытаюсь успокоить бунтующие мысли: «Лилька, не лезь! Лилька, и им не поможешь, и сама пропадешь! Чтоб вам всем флюс до самого геморроя, сволочи зеленые!!!»

Зеленый стражник рядом с пленниками только гоготнул:

– Господа, не слушайте старую дуру! Любому рабу плетку покажи – он отлично работать будет, особенно в ошейнике!

Пацан-то, между прочим, не кричит. Но по лицу видно – звереет.

Один из стражей дубинку поднял, замахнулся...

Вот чесслово, если бы перед этим не задела ногой какой-то булыжник, то просто отвернулась бы. А так – нагнулась, подхватила и ка-а-ак швырнула! А, к черту все, не могу смотреть, как сволочи людей мучают! Получай, гад жабомордый!

Ой! Попала. Мамочки, попала! Только не в зеленого жлоба с дубинкой, а в того урода с жезлом, что мимо как раз шел и страховал серого великана. Прямо по башке ему моим булыжником прилетело, так он враз забыл про свои обязанности, взвыл, согнулся, стал щупать – на месте ли зеленые мозги.

И в этот момент спокойствие в пещере как-то разом взяло и кончилось. От слова «совсем».

Первым делом пацан прочухал свой шанс, отцепился от бабки и рванул к нему со всех ног. К тому самому жезлу, который уронил мимоходящий стражник. И одновременно с этим серый великан, обнаружив, что болючая бяка с одной стороны исчезла, включил на полную мощность свои каменные мозги, радостно взревел, подпрыгнул на месте (аж пол затрясся) и ломанулся в толпу, размахивая гигантскими кулаками направо и налево, походя снося и второго своего стража, потому что силы одного жезла явно не хватало, чтобы усмирить громадину, но хватало, чтобы окончательно ее разозлить.

Что тут началось! Заорали вообще все – и рабы, и их надсмотрщики, и даже, кажется, жуки-светильники под потолком. И вся толпа принялась метаться по пещере как чокнутые мыши. Одни только сволочи с жезлами пытались хоть какой-то порядок навести – даже стража, что в этот момент тянула створки массивных ворот, бросила свое занятие и ломанулась следом за взбесившимся булыжником.

Вот он, мой шанс! Там, за железными дверями, – солнце и, возможно, свобода! И в суматохе можно не красться, а бежать! Ну, я и решила, что надо дурь свою в зубы и вперед – не тормозить! И-и-и помчалась вдоль стены, перепрыгивая через разные камушки, свертки, упавших в толчее зеленых и прочие препятствия. К воротам. Они стали открываться сами собой – привратный персонал вовлекся в движуху и больше не тянул створки. Лилька, давай-давай, шевели ногами! Больше солнца-а-а!

Уже практически пробегая мимо места, с которого и началось побоище, я вдруг споткнулась глазами о все еще бессильно лежащую на каменном полу старуху и мальчика, застывшего над ней с жезлом в руках и смертельной решимостью на зеленой физиономии. Ишь, зубки оскалил...

Уже потом, позже, я придумала вполне логичное оправдание собственной глупости. Вот, мол, добежала бы до ворот, выскочила на свет, и... и что под этим солнышком мне делать? Раз мне вкатили этот амулет языков и я стопудово пойму тут любого без труда, надо взять гида. Живого, так как аудио не предлагают. А кто лучший гид, чем товарищ по несчастью?

Но это потом, потом. А в этот момент я вообще ни о чем не думала, просто, как полоумная муха, метнулась с прямого пути к спасению, чтобы схватить старуху за лохмотья и рывком поднять на ноги. Она легенькая оказалась, как ребенок, и лилипутского росточка – носом мне в подмышку.

Еще увидела, как пацан именно в ту секунду как раз распорядился жезлом: крутанул что-то внизу, и оттуда шарахнула зеленая звезда в зеленого уroda, рванувшего нам наперерез. Тот шлепнулся прямо с разбегу и исполнил танец пресмыкающегося на полу.

Я крикнула бабке:

– Бежим втроем!

Бабка мигом перестроилась от отчаяния к подвигам. Схватила меня за руку. Тоже крикнула:

– Игги, бежим!

Мальш тоже перестроился от мести к спасению и без лишних слов кинулся в сторону солнышка. Стражников у ворот-то не осталось! Туда мы втроем и выкатились. За спиной продолжался дурдом с плясками, но нам троим он был не интересен.

Солнце оказалось ярким и жгучим, это я поняла на бегу. Чтобы полететь charterом на такое солнышко, на такую жару, сейчас на моем родном и промозглом Чракре платят немалые деньги.

Так, не расслабляемся! Я только что приплюсовала к побегу дополнительный криминал – нападение на полиция, помощь другим рабам. Теперь отсюда подальше.

Похоже, мои спутники думали так же. Пацан стал лидером группы, вырвался вперед, цапнув бабусю за лапу, и мы помчались цепочкой вдоль неширокого плато, на которое и выходили железные ворота пещеры. А кругом горы, небо синее, воздух, красота... и какие-то зеленые уроды на соседних возвышенностях – как заорут хором, как давай бежать в нашу сторону. Упс.

Из всех малых архитектурных форм, прилегающих ко входу в пещеру, мое внимание привлекло нечто вроде парковки. Хотя ее можно было принять за выставку психоделического животноводства. Какие-то твари в упряжках, какие-то без. Малыша они не интересовали, он тащил нас мимо.

Потом резко свернул в горку, и не успела я задохнуться и выругаться на десяти ступенях, как он достиг цели. На площадке стояла обособленная тварь – какой-то толстый зеброосёл, только с желтыми полосками. Ни повозки, ни седла, зато на спине конструкция из ремней удерживала большую корзину с местами для сидения. Не знаю, какого дизайнера ради, на морду скотине по уши был натянут черный мешок с нарисованным серебристым клыком.

Если охраны рядом с остальными средствами передвижения я не углядела, то осла держал под уздцы хмырь в черной ночнушке с патологическими клыками. Увидев нас, он удивился больше, чем я. Потом рыкнул, выхватил клинок, замахнулся...

Пацан на секунду застопорился и дальше продемонстрировал мне живую мою любимую сцену из Индианы Джонса: пока Ночнушка махал саблями, малец просто пристрелил его из жезла, не подходя на опасную дистанцию. Зубастый хмырь покотился с холмика, раздирая рубашку.

Бабушка тем временем положила руку на шею тоже немного удивленной скотине. Мне послышалось:

– Будь легким. Будь послушным. Да помогут нам ветра.

Пока я старалась понять, что это за ритуал перед угоном, скотина подогнула колени. Старуха заскочила в корзину, я следом. Парень ловко вскарабкался по упряжи и уселся впереди. Протянул руки, сорвал мешок с морды животного.

И тут произошло самое удивительное. Зеброосёл встал, сделал несколько шагов, причем прямо к краю обрыва. Примерился и, не успев пискнуть, прыгнул, как кузнечик. А-а-а-а! Мама-мама, это что за зоосуицид?! Я жить хочу! Черт!!!

Глава 5

В какой момент раздался хлопок и из боков копытного выскочили два крыла, я не уловила. Только поняла, что мы перестали падать, потому что мой желудок прекратил попытки выскочить у меня из ноздрей. Чертов полосатый осел с нереально маленькими для такой туши крылышками не рухнул в пропасть, а самым непонятным образом набирал высоту и спиралью ввинчивался в бледное небо. Кульпячками своими он не махал, скорее маневрировал. И летел!

Кажется, вовремя. Останься мы на площадке перед воротами, были бы смяты людским потоком. Или человекоподобным – неважно. Толпа выскочила из пещеры и кинулась по дорожке. В толпе бежали знакомые уроды с дубинками, изредка пытаюсь дерябнуть разрядом то одного беглеца, то другого. Но выскочить вперед и встать стеной на пути побега они не решались. Еще бы – сто пудов их бы затоптали, наплевав на судороги от жезлов. Меня это обрадовало – и чудища со сцены на свободе, удачи им в их устремлениях. И нами займутся не скоро.

Разобравшись с одной проблемой, я принялась оглядываться и пугаться других.

Наш ишачий пегас, к счастью, взлетал не вертикально, а под углом в сорок градусов и по спирали. В корзине были четыре плетеных сиденья-кресла, не считая кучерского, занятого пареньком. Как в любой нормальной земной машине, я сразу увидела ремень безопасности – на сиденье лежал свернутый шнур, прикрепленный сбоку к основанию. Я быстренько размотала его, нашла карабинчик, колечко с левой стороны, застегнулась. Уф.

Вовремя! Пегас уже набрал изрядную высоту и искал свой воздушный коридор резкими маневрами, отчего кренился то влево, то вправо. Если бы не ремень безопасности, то я уже успела бы крикнуть путникам «пока». А так лишь болталась вместе с корзиной и любовалась здешними видами в условиях относительного дискомфорта.

Я сразу поняла: пещера была на окраине огромного города, похожего на апельсин в разрезе – этакий гигантский круг, поделенный на сектора-дольки. И мы летим в его центр. У меня, не знаю, с какого перепуга, иногда рождается двойной взгляд: вижу сразу мелкие детали и какие-то общие контуры. Проектами мне надо заниматься, если бы не лень, а не в чужих зубах ковыряться!

Вот и сейчас. Вижу с удобной обзорной высоты в полкилометра башни, круглые и конусные, какие-то выдающиеся здания, может, дворцы и храмы. Некоторые будто запущенные, чуть ли не деревьями поросли. Хотя внизу разная жизнь.

И одновременно общее наблюдение. Про тот самый апельсин или торт, нарезанный на пять кусков, с отдельным, не разрезанным центром. У каждого куска свои флаги. Мы покинули черно-зеленый сектор – видимо, пристанище уродов-работоторговцев. Слева мелькнули бело-зеленые флаги, с правой стороны – черно-красные. Под нами был именно центр города, и здесь дома были без флагов, зато улицы особо оживлены. А далеко впереди – бело-черные флаги.

– Он летит в дом вампиров, – безо всякого испуга констатировала бабушка. Вот, блин, только вампиров мне не хватало для полного счастья. А нельзя к ним не лететь? А, можно.

Внучек не растерялся и начал стопорить экипаж. Надел предусмотрительно сохраненный мешок на морду ослу, тот замер и перешел в режим вертикального, но в меру медленного спуска, редко взмахивая крылышками. Пару раз пацан снимал мешок, чтобы пегас продвинулся вперед и чуть в сторону, повинувшись вожжам, но тотчас надевал. Я почти сразу разглядела импровизированный аэродром: пологую крышу высокого здания. К счастью, пустую, не считая не слишком привлекательных статуй и выросших рядом кустиков.

Еще пара взмахов – и ослик приземлился. Сначала я освободилась от «ремня безопасности». Мало ли что взбредет в башку этой скотине, хотя парень уже надел ей мешок на голову? Как скакнет...

Мои спутники тоже сошли на землю, если таковой можно назвать крышу, напоминавшую заброшенный газон.

– Храм проклятого племени, – сказал пацан. – Здесь быть плохо. Если поймают – будет хуже.

Бабуся оказалась многословней. Она села на корточки, коснувшись одной лапкой крыши, а другую подняв вертикально.

– Благодарю тебя, спасительница. Пока меня носит земля и греет солнце, я не забуду твой милостивый поступок. Ты всегда можешь просить меня в нужде, и пусть отсохнет этот язык, если я тебе откажу.

«Браво, браво, ну что вы, право», – подумала я, но прерывать не стала. Во-первых, может, это не принято. Во-вторых, насчет нужды – актуально. Я не знаю, что здесь пьют, что едят, кто может обидеть (похоже, каждый). И вообще, как это место называется. Ясно только, что не Земля.

Паренек времени не терял. Он подошел к ближайшей башенке, пару раз стукнул кулаком, а потом двинул ногой, как заправский футболист. На секунду его скрыло облако ржавой пыли, грохнула выбитая дверь, и образовался черный проем.

– Если не уйти – увидят, – сказал паренек и схватил осла за упряжь.

Я взглянула в небо и заметила две точки, не очень маленькие. Они летели по дуге, и одна уже скоро оказалась бы над нами. Поэтому я без особых раздумий поспешила за старушкой, уже скрывшейся в темном проеме. Там щерилась побитыми ступеньками каменная лестница.

Крылатый осел оказался не слишком упрямой скотиной. На морде мешок – значит, надо слушаться. И с лестницей повезло. Хотя ступеньки от времени полуосыпались, ноги переломать нам не грозило. Ее освещали несколько щелей, то ли по задумке зодчего, то ли кровля прохудилась. Судя по ширине, прежде на крышу поднимали какие-то крупные грузы, наверняка вот на таких же зеброослах с крылышками. И таскали их вниз вот по этому проходу.

Низ лестницы был почти не освещен. Поэтому пацан нащупал дверь своим кошачьим зрением, так же грубо, пинком, открыл. В зале, куда мы вкатились, со световыми щелями оказалось чуть лучше. Храм, наверное, был интересен и красив – статуи, росписи, но я благоразумно смотрела под ноги. И не зря. На полу лежал скелет. И не один. Пол храма напоминал костехранилище, причем запущенное. Не то чтобы оскаленные зубы, как в ужастиках, но хорошего мало.

Тоже мне, храмы строят, на дворниках экономят. Впрочем, это же проклятый храм, тут и должно быть страшно и грязно. Или страшно грязно.

– Не бойся. Никто не станет тратить силу, чтобы они встали, – успокоил пацан, небрежно кивнув на скелеты. Ну спаси-и-ибо. То есть тут бывают и такие, которые встают? Зашибись, как здорово! Так, валим. Вон дверь наружу.

Ступени храма и ближайшие окрестности заросли высоким раскидистым кустарником. И почти не колючим – любезно с его стороны. К ступеням вела тропка, судя по состоянию, не очень популярная.

– Здесь нельзя жить, – сказал парень. – Это проклятый удел. Прийти ненадолго, найти, унести и продать – можно. Но стражам остролистого лучше не попадаться.

«Ну да, цветочки с могилки тут набрать можно, а все остальное уже украдено до нас», – подумала я, разглядывая окружающее запустение. Судя по взломанным дверям и вывернутым могильным плитам, таких умников – охотников за древностями за века тут побывало много.

Пока все складывалось не так и плохо. Если бы не болела голова. Еще на крыше я почувствовала неприятный гул в ушах, на затылок словно натянули влажную и горячую ватную шапку, а в висках застучало. Черт. А, нет, нуروفен же есть. Достала упаковку, отметила, что в ней три блистера и только один почат. Это радует. На всю жизнь не растяну, но на первых порах обезболивающее, пусть слабенькое, точно не помешает.

Кинула в рот таблетку, достала бутылку. Отхлебнула, поймала взгляд старушечки, подавила секундное сомнение, протянула. Та удивленно оглядела пластик, потом дала внучку, тот жадно отхлебнул и отдал обратно, старушка допила.

– Мы найдем воду, – сказала она, возвращая пустой сосуд. Ободренная обещанием, я засунула его в сумочку и спросила:

– Почему этот храм проклят?

Вообще-то в голове крутился другой вопрос: что это за мир хренов? Но нельзя же так прямо.

– Это был храм людей – сильных и беспощадных магов, – ответила старушка. – Люди владели этим миром и держали в покорности остальные расы. Когда народы восстали и захватили Город, маги людей отступили в этот храм и лишили себя жизни, породив Великую кару. Теперь в Городе живут пять народов, а часть посередине осталась ничейной. Здесь торгуют и живут те, кто не принадлежит одному из пяти Домов. А тут – проклятый удел и жить нельзя.

«Ну как обычно, люди всех заушгетали, и им устроили революцию. А они напоследок дерябнули какую-то свою ядерную бомбу. Все ясно и понятно, – подумала я. – И как всегда, после революции особо лучше не стало, если судить по рабскому аукциону в подземелье. Как, кстати, эта парочка попала на него?»

Я подумала-подумала, да и спросила об этом вслух.

– Мы жили далеко от проклятого сердца мира, вольным племенем, на берегу реки. На поселок напали охотники за рабами. Мой муж, я и Игги, – показала она на паренька, – попали к одному хозяину. Муж был искусным мастером над кореньями силы, поэтому нас держали вместе. Мы были полезны хозяину и уже долго жили в Городе. Но недавно мой муж умер, хозяин сказал, что на нового садовника нужны деньги, поэтому нас решили продать.

Пока бабушка рассказывала, мы выбрались из зарослей.

– Тут проклятый удел кончается и начинаются Ничейные кварталы. – Бабулька покрутила носом и спряталась обратно. – Пусто. Хорошо. Можно уходить.

Малец, который тащил за собой в поводу нашего ослика, тоже высунул голову из-под куста, осмотрелся и вдруг сдернул у животного мешок с морды, ловко шлепнув его прутом по крупу.

– И-и-их-х-хи-и-и! – взвизгнул он, как-то особенно добавив в голос противности. Осел в ответ на такое подпрыгнул, заржал и галопом унесся по заброшенной улочке.

– Его ищут, – пояснил парень на мой недоуменный взгляд. – Нас тоже, но он стоит дороже, поэтому искать будут сильнее. Пусть бежит и погоню уводит.

«Спасибо, утешил», – подумала я и вслед за бабкой зашагала по первой улочке Ничейных кварталов.

Глава 6

Лимеас из клана Остролиста:

Начальник приходит на службу раньше всех, только если дела идут плохо. Сегодня мне сообщили в присланной сводке, что за ночь в Городе зафиксированы три кражи и пьяная драка в таверне «Перекресток». Украдено немного, драчуны живы. Поэтому бежевый лист сгорел на углях под кофейным сосудом, а быстрокрыл вернулся в Башню пустым. Что значило: буду как обычно.

Кофе – выпит. Халат летит на постель. Халат – не ручная стрела, поэтому могу позволить небольшую небрежность. Правый рукав остался на полу. И никакого ворчания-замечания, что мог бы сделать два лишних шага, аккуратно положить.

Моя жизнь избавлена от замечаний в спальне. Позаботился два месяца назад.

Задержался перед ростовым зеркалом. Здравствуй, начальник городской стражи. Хранитель покоя Города пяти Домов, Города пяти народов. Разглядел почти незаметную складочку на левом рукаве серо-оранжевого мундира.

Не самое удачное цветовое решение. Но одежда городской стражи не должна повторять ни одного цвета пяти Семейств. Нас и так обвиняют в симпатиях к своим. Например, я – эльф. Когда арестовываю эльфа, наверное, должен приказать убить его на месте, чтобы меня не заподозрили в предвзятости.

Не надо грустных пустых мыслей. Если они явились – жди реальную проблему.

Экипаж у крыльца. Грум тронул, едва я сел. Дважды в минуту трубит, взмахивает желто-серым флажком. Если кто-то не уступит дорогу, то получит компенсацию, только доказав глухослепоту.

Ровно в полдень я был перед Башней. Мой предшественник, гном, пользовался для подъема водяной корзиной. Мне она ни к чему. Быстро поднимаясь по парадной лестнице, я поощрял кивками часовых и заодно наметанным взглядом подмечал малейшие детали – кто как стоит, как смотрит, не отводит ли глаза.

В кабинет вошел не запыхавшись. Тотчас явился секретарь Хвыщ, самый умный из известных мне гоблинов, переживший четырех начальников. Этот живет строго по уставу, кратко излагает утреннюю сводку. Укладывается за двадцать секунд, чтобы перейти к чему-то более важному. Но не настолько, чтобы вывалить новость начальнику на пороге.

– Господин Лимеас, происшествие на Подземном Торгу. Два часа назад. Массовый побег рабов и похищение кем-то из них гипперфлая.

Подземный Торг мне не нравится. Он многим не нравится, но его терпят, и не каждый готов ответить почему. Громче всех его ругает мое эльфийское Семейство. Ругает и ездит за покупками. И ждет своей очереди на... на то, о чем не говорят вслух никогда.

Рабы не ругаются. Они только убегают, иногда восстают. Кто-то может добраться до Города, и сегодня ночью сводка окажется кровавой. Впрочем, Ничейные кварталы всегда опасны для новичков.

Я уже предлагал Семейству гоблинов направлять на торги нашу стражу. Отказались. Подземный Торг – территория Дома гоблинов, и чужим туда вход закрыт. Как и в остальные Дома. А пространство вокруг Торга – ферма Дома гоблинов. На нее, как и на фермы других Семейств, стража может войти лишь по ордеру. Который выписываю я, на три часа.

Хвыщ подготовил ордер заранее. Я подписал, передал вбежавшему посыльному вампиру. Дал напутственное слово:

– Постарайтесь задержать одного или двух рабов. Хозяевам скажите, что вернем, если они обойдутся с ними по Закону Города. Я хочу знать, кто им помог сбежать.

Потом задал Хвыщу ненужный вопрос:

- Патрули на гиперфляях уже в небе?
- Через минуту после сообщения.
- Какому Семейству принадлежал похищенный гиперфлай?
- Выясняем.

Я поблагодарил кивком. По Закону Города каждое из пяти Семейств имело право держать пять ездовых гиперфлаев. Если держать кто сколько захочет, не будет видно облаков. Я сам стараюсь путешествовать по земле. Ну и такая мелочь, как то, что для полета этих полосатых бестий надо в полнолуние подкармливать цветами пероснежника, тоже играет роль. Реликтовый цветок растет медленно, размножается крайне неохотно даже в дикой природе, в оранжереях не приживается и стоит баснословно дорого. И вообще, охраняется союзом пяти Домов.

Но какому Семейству выгодна эта заварушка с побегом рабов и краденным гиперфлаем? Что вообще за странная фантазия?

Я озабоченно уставился сквозь частый переплет окна на центральную площадь. Хм, вот, кажется, и ответ на мой вопрос. У ворот управления остановилась карета, украшенная остролистым гербом.

– Лимеас, как удачно, что я тебя застал! – Отец скинул капюшон и недовольно поморщился, оглядывая мой кабинет. – Даже из твоей невероятной дури можно извлечь пользу. Ты слышал о происшествии у гоблинов?

– Да, отец. И жду, что ты объяснишь мне, в чем смысл этого нагромождения нелепостей. А также то, почему вдруг я тебе так понадобился, что ты снизошел до презренного сыщика.

– Они упустили чистокровку, – сразу и в лоб выдал визитер. И прищурился, оценивая впечатление, которое произвела на меня новость. – Теперь она где-то в Городе, среди трущобного быдла. Чистая кровь, ничья.

У меня дух перехватило. Святой остролист, да они мне город снесут до основания! Все пять Домов разнесут Ничейные кварталы по камешку ради такого приза! Кровососы ждали своей очереди и копили золото на выкуп чистых почти три десятка лет. И вот, получается, у гоблинов опять открылся портал в нужный мир, но они настолько озеленели от жадности и лени, что даже не сумели сберечь сокровище, и одна из девчонок сбежала! Святой остролист, помоги нам... Охота уже началась, и она может быстро перейти в вооруженную грызню.

– Ты правильно все понял, – кивнул отец, наблюдавший за моим лицом. – Я хочу, чтобы ты нашел ее первым! Этот твой главный помощник из вампиров сейчас в отъезде и не сможет помешать. А если не получится захватить – уничтожь. Она не должна достаться другому клану. Это нарушит равновесие... – он сделал многозначительную паузу, – не в нашу пользу. Ты понял? Ну, заодно ты предотвратишь резню в городе, если это для тебя так важно.

Я скрипнул зубами и уже хотел сказать отцу все, что думаю про него, про клан и про их общую честь. Но тут скрипнула дверца шкафа, и мне на плечо рухнула привычная тяжесть. Я даже через кожаный наплечник ощутил острые коготки Тишины, хотя она и старалась меня не поранить. По щеке прошла мокрая терка, а чувствительное ухо ощутило прикосновение жесткой шерсти.

– Тьфу! – Шарахнувшийся от моего кресла отец с невыразимым омерзением передернул изящными плечами и скривил губы. – Опять эта помоечная тварь! Я же просил! А, что с тобой говорить! Я сказал, ты услышал. Чистокровка должна быть у нас или ни у кого, иначе... ты помнишь.

Глава клана Остролиста развернулся и с достоинством выплыл из кабинета, оставив за собой только тонкий запах дорогого ароматического масла и общую атмосферу наступившего конца мира.

– Молодец, киса. – Я погладил почти лысую морду уличного мутанта, давно и прочно ставшего моим лучшим другом. – Много крыс поймала? Три? Пять? Умница, Тишина. Если бы ты так же легко поймала мне чистокровку, цены бы тебе не было.

– Мур-р-р, – услышал я в ответ и понял сказанное: «Мне и так нет цены».

Глава 7

Я с интересом ждала, когда меня отпустит утренний драйв и накатит истерика: «Где-е-е я?! Зачем я зде-е-есь! Отправьте меня домо-о-ой!!!» О дочери я вообще старалась не думать, радовалась только тому, что Катёнка уже выросла, даже закончила универ и живет отдельно. И парень у нее отличный. Не пропадет... но все равно, не думать, не думать!

Нет, я точно раньше себя недооценивала. День на ногах, в незнакомом мире, в котором когда-то давно прошел успешный геноцид людей. В компании двух симпатичных существ с шестью пальцами на лапах – это я рассмотрела. В условиях, когда окружающий мир ко мне не просто равнодушен, а прямо мечтает меня изловить.

И несмотря на это, я не катаюсь по грязной почве с воем: «Хочу домой!»

За этот вечер мы успели много. Например, купить мне симпатичную простыню с дырками для рук, как я его назвала, плащ с пугала. Купить в полном смысле слова: мои карты и банкноты оказались не нужны. Зато двадцать рублей разной мелочью, от десяти рублей с орлом до пятидесяти копеек с Георгием на коне, оказались востребованы. Игги взял их, нырнул в какую-то дыру и через пять минут принес эту маскировочную тряпку. Честно говоря, меня больше волновало, не подхвачу ли я с нее чесотку или чего похуже. Не говоря уже о банальных вшах... Однако рассекать дальше по трещинам в голубых джинсах, светло-бежевой водолазке и пальто из ламы – не самое умное занятие для того, кто прячется.

Так что тряпку я взяла, тщательно осмотрела, даже понюхала и поняла, что ее недавно стирали. Правда, от въевшихся пятен избавиться никто не пытался, скорее старались не протереть до дыр. Но вшей я не обнаружила и возрадовалась: сей сомнительный балахон, представляющий собой нечто вроде одеяла с дыркой для головы, к которому на живую нитку пришит капюшон, закрывал меня с головы до самых ботинок.

Что станут делать с моими монетами – переплавят или будут на них колдовать, меня не интересовало. Хотя стоило бы подумать...

Зато на другие вопросы я получила некоторые ответы. Поняла, почему им так понадобилась моя драгоценная персона.

...Итак, восставшие угнетенные народы победили людей, хотя те были сильными магами – эльфы сделали временные блокираторы магии. Побежденные мужчины куда-то делись, вместе с детьми и стариками. А молодые женщины достались победителям, и те стали их использовать. Ну, понятно как.

И сначала у победителей все шло прекрасно – они разделили захваченные земли, установили равновесие в городе, даже создали так называемый Совет Пяти. О людях стали забывать, тем более что оставшиеся в гаремах красотки старели и выходили в тираж, а потом и вовсе почти все умерли. И последнее проклятие человеческих магов тоже стало легендой – то ли произнесли они его, то ли не успели, а может, оно просто оказалось слишком слабым. Так или иначе, сменилось два поколения после победы.

И тут магические расы поджидал большой и глобальный трындец, резкий, как диарея. Все те наследники кланов, что гордились своей чистой кровью, вдруг обнаружили, что уже их дети значительно слабее, а внуки вообще превращаются в короткоживущих обезмагиченных существ. Правда, были девочки-метиски, до поры до времени жившие в клане на правах приживалок и нечистокровных дармоедов. Они и сами были колдуньи, и рожали вполне милых и жизнеспособных деток. Только магические способности уже у этих детей были, как бы помягче сказать... Заварили кофе в турке, выпили, а жижу заварили еще раз. Как вам такой кофеёк?

Вот это был бенц, как говорится. Срочно созвали Совет, лучшие умы принялись искать средство от напасти, ну и причину заодно. И нашли. После чего победители дружно впали в шок и не скоро выпали.

Исчезнувшие люди успели качественно поднагадить своим обидчикам, прокляв их потомство. Я не очень поняла, как технически они это провернули, но сильно заподозрила здешних хомо сапиенс магикус в генной инженерии. Потому что их проклятие, судя по всему, на гены и влияло. Если бы волшебные расы в своем сладострастии не нахватали наложниц из человеческих девчонок – тут бы и конец всей их магической цивилизации, «электричество» бы сдохло на третьем поколении, и все вернулись бы в каменный век. Вот тут и стали цениться полукровки – дети тех самых несчастных женщин. И еще пару поколений после вливания человеческой крови магия слабела медленно. А потом все снова рушилось и летело в бездну.

Чего хотели погибшие в проклятом храме люди – просто отомстить или таким странным образом уберечь от смерти своих женщин, – теперь неизвестно. Но факт остается фактом: чтобы оставаться магами, всем этим эльфам, оркам, вампирам, гоблинам и гномам примерно раз в двести лет нужно вливать в своих потомков чистую человеческую кровь. Которой в этом мире, естественно, давно не осталось.

И они приноровились тырить ее из других миров. Конкретно – моей родной Земли. Великолепно!

Я слушала истории из прошлого этого негостеприимного мира и брела по булыжной мостовой. При всех моих невеликих ориентировочных способностях, понимала, что наш путь крайне запутан. Бабуся и внук хотят выйти к своему племени, но напрямую не решаются. Ждут темноты.

Мои ножки – умнички, почти не болели. Спасибо, что и головушка о себе не напоминала. Мое химическое-магическое земное зелье ограничено, да и часто применять нельзя – влияет на кровь. А я была готова портить кровь всем монстрам этого мира, но не себе любимой.

Глава 8

Лимеас из клана Остролиста:

Большая облава не нравится никому. Мне тоже, хотя объявил ее я.

Во-первых, до утра не заснешь. А сейчас нет и полуночи.

Во-вторых, Большая облава – большой сбор. Простых констеблей собирают помощники, а лично я – констеблей-магов. Пришлось объехать пятнадцать адресов и пятнадцать раз стать объектом сильного недовольствия. Ранний вечер, хозяин заканчивает работу или пришел с работы, ругается с супругой, воспитывает детей, пьет пиво. Тут является Остролист и дает пятнадцать минут покончить с делами, надеть форменный плащ, протереть магическую линзу и выйти из дома. Не хочется? А не платить подати как добровольный помощник стражи хочется? Тут же, на месте, аннулирую лицензию, и жалуйся в Главный арбитраж. К сведению: заседает раз в год.

Если бы магия в Городе не деградировала, я давно бы словил проклятие и ползал, хрюкал, зеленел, цвел, струился и кружил над мусорной кучей. А так – всё, что слышал в свой адрес (да, я эльф, у меня обостренный слух), было обычной бранью. Ничего, не переломлюсь. И наслушался я за время службы такого – этим разжиревшим обывателям не снилось. Но они пойдут со мной и будут отрабатывать подати в полном объеме. Констебли-маги нужны, чтобы ходить с каждым патрулем и пресекать тараканьи бега помоечной шушеры – эти существа имеют привычку бросаться в разные стороны и растворяться в развалинах – точно, как тараканы. А маг гребет широкой сетью. Если не ленится, конечно.

Польза от Большой облавы тоже есть – будет поймано не меньше полусотни воришек и по горячим следам раскрыто с десятков краж, а может, и пара убийств. Зато наутро – поток жалобщиков на незаконный арест, удержание, коммерческий ущерб. Да и сама облава влетит Совету в копейчку – мне еще предстоит писать отчет, обосновывая каждый гран потраченной магии, вытрясать из пятерых глав фонды, артефакты и живую силу. А потом отдельно терзать зеленошкурных подземников – рабы разбежались у них, а головная боль обеспечена мне и еще целому ряду существ. Ничего, хоть часть затрат они мне компенсируют, или я не Лим-Отступник.

Ладно, это завтра. А пока у меня работы невпроворот, и в основном нудной, организаторской. Не так я представлял себе сыск в ранней юности, начитавшись бульварных книжек о подвигах доблестных стражей.

За этими мыслями я вышел на площадь в центре Ничейных кварталов. Так. На первый взгляд никому из помощников не надо отрывать голову, загоны для сортировки готовы. Жаль, конечно, что Флесс в отъезде по делам управы, но и без него справлюсь. Учитывая, что он вампир и его клан так же давит на парня, как мои дорогие родственники на меня, – все к лучшему.

В Городе нет нормальной тюрьмы. Приговоры у нас – оправдание, штраф, изгнание, рабство. Да, еще казнь. Скорого суда ждут в небольшой каталажке при нашей Башне. Поэтому Большая облава требует особого подхода – весь этот сброд до и после сортировки надо где-то разместить и охранять, чтобы не передрались и не разбежались.

Младшие стражники уже расставили складной штaketник, и штатный заклинатель выволок из подсобки огромный, немного пыльный барабан ускоренного роста. Я незаметно поморщился – рваный, неправильный ритм оркского заклинания всегда действовал мне на нервы.

Так, горожан со штампами направо, их будет больше всего. Дикарей и прочих сброд из тех, кто не нашел денег даже разок сходить к краугольному камню, но не в розыске за мелкие злодеяния – налево. Среди них обязательно окажутся и беглые рабы, каким-то образом избавившиеся от ошейника, причем не только гоблинские. Рабам под страхом смерти запрещено

касаться краугольника, но они все равно рискуют... каждую неделю базарная стража отгаскивает стукнутого разрядом ошейника смельчака из диких, которых в рабство продали. Жаль их, временами... Так, эти мысли не ко времени.

Я сел за столик протоколиста, чтобы быть не очень заметным. И самому постараться увидеть чистокровку, если ее приведут.

Чистокровку нужно поймать. В крайнем случае – не поймать так, чтобы не поймали другие. Хуже всего, если ее засекут кровососы. Этого отец мне не простит.

Поэтому мой стол – у самого входа в загон приبلудышей без печати. Так проще разглядеть каждую группу, которую приведут, и сразу отсортировать девиц, внешне подходящих под описание. Тут ведь как – люди сами по себе существа... никакие. У них нет особых примет. Полным-полно полукровок из обезмаженных эльфиек, гномов, даже орок и вампирш, которых внешне можно принять за человечку. Очень популярный товар в борделях почище. И среди дикарок без ошейника такие встречаются. На печать камня денег у них не хватает, владельцы заведений за этим строго следят. Живут в Городе на полулегальном положении – не рабыни и не граждане, вот среди них логичнее всего прятать беглое сокровище.

Этих девиц будут держать в отдельном загоне перед тем, как отвести в ратушу, куда на рассвете явится делегация гоблинов – приведут двух растяп, потерявших сокровище. Они ее в лицо знают.

Понятно, что до рассвета в ратуше под любым предлогом побывают самые сильные маги остальных четырех рас. Но все понимают, что определить и забрать чистокровку надо раньше – еще из загона. Вон там, у входа в кривой переулок, засели вампиры, чуть подальше с другой стороны окопался боевой отряд орков. Где скрываются мои соплеменники, а также гномы, я пока не видел, но это вопрос времени.

Между тем окончательно стемнело, и на площадь, пока еще тоненьким ручейком, потек трущобный сброд, подгоняемый стражниками.

Все лишние мысли прочь. Начинается работа. Перстень со звездчатым сапфиром на моей руке чуть нагрелся, когда я активировал встроенный в него родовой артефакт-определитель крови. Жаль, вещь такая старая, что уже не работает в полную мощность и нельзя широким лучом просканировать толпу. Но когда отсортированных девиц будут проводить мимо меня, проверить каждую по отдельности артефакт позволит.

Почти половина ночи прошла впустую. Загон с человекообразными девицами пополнился парой десятков ругающихся проституток, и еще несколько девиц забились в угол, откуда слышались тихие подвывания. Нормальные горожане, которым не повезло шляться по улицам сегодня ночью, тоже не выражали восторга, но особенно забористо матерились выловленные в одном из переулков оборванцы, которых приволокли пять минут назад: ликующие стражники пинками гнали перед собой пятерых смесков, а следом тянули слегка упирающегося и крайне раздраженного гиперфлая. Оборванцы орал на всю площадь, что это их добыча и они имеют право на награду за поимку. Стражники только ухмылялись, провожая скотинку в соседний с девицами загон. Они и сами не дураки взять с вампиров наградные. Я мысленно махнул рукой – сейчас не до мелких дрызг, к тому же уличные стражи имеют право на компенсацию за бессонную ночь. Оборванцы перебьются. Но в тот район, где их поймали, уже рванули сразу три команды ловцов.

Прошло еще три часа, загоны на площади заполнились больше чем на две трети. Часть пойманного отребья уже отсортировали, пойманных с поличным – с ворованным барахлом в мешках – уже отправили в каталажку, утром им вынесут приговор, лишат печати горожан и продадут на рудники. Я чувствовал усталость и раздражение. Чистокровкой и не пахло. С другой стороны, если бы найти ее было так просто... А вдруг ее уже поймали рышущие по секторам поисковые отряды других кланов? Бездна! Я видел кланового кровохлеба. Этот поганец

Вэйн уже дважды мелькнул в тенях на окраине площади, и я то и дело передергивал плечами, чувствуя его пристальный взгляд из темноты.

Из переулка вывели новую партию оборванцев, и мой взгляд сразу зацепился за одну фигуру. Во-первых, женщина ростом была выше своих спутников и, хотя была облачена в обычную для трущоб грязную рванину, что-то в ее осанке и движениях показалось мне необычным. А еще взгляд. Быстрый, настороженный. И в то же время не было в нем затравленности и приниженного подхалимства, как у обычной уличной подстилки. А заодно не было и обреченной наглости, которой иногда бравируют такие девицы.

– Эту – ко мне, – негромко приказал я, покосившись на камень в артефактном перстне. Если он загорится... придется убить вампира. Да, совершу преступление. Что лучше, чем битва двух кланов в центре Города.

Глава 9

Главное, мы почти добрались!

Вот же черт. До квартала орков-огородников, куда стремилась бабушка, заверяя меня на ходу, что там нас приютят хотя бы на первое время, оставалось буквально два переулка, когда нам навстречу вышел патруль. Около десятка стражников в слегка заржавленных кирасах и хмырь в плаще с капюшоном. Мы вроде и успели шмыгнуть за ближайший угол, но там, как назло, оказался тупик, а преследователи громыхали своими консервными банками вот уже буквально в двух шагах.

– Держи их! Господин маг, активируйте сеть!

– Там тупик, никуда не денутся, – раздался в ответ ленивый и довольно противный голос с легкой гнусавостью. – Сеть еще на них тратить... шушера немытая. И так сегодня прорву этого сброда наловили. Этих возьмем – и хватит, возвращаемся на площадь.

Лихорадочно оглядывающийся Игги, услышав эти слова, резко подпрыгнул, схватил меня за руку и отволок на пару шагов в сторону, к живой изгороди. Зачерпнул возле нее грязюки и... как плюхнул мне этой дрянью в капюшон! Мало по плащу размазал, лицу тоже досталось. И даже волосам...

– Ты что?!

– Слишком чистое лицо для этих трущоб, выделяешься, – деловито пробухтел малец, размазывая по мне новую порцию... э-э-э... ну, надеюсь, это просто грязь, в смысле – мокрая земля, не навоз каких-нибудь местных обитателей. И не поспоришь ведь – Игги прав. Раз все равно схватят, надо успеть замаскироваться получше.

– Бездна смрада, это же помойные побирušки! – К тому моменту, когда патруль завернул в наш тупичок, наши лихорадочные усилия привели к тому, что мы все трое напоминали свежевыкопавшихся зомби-свиней.

– Может, ну их? – с большим сомнением оглядев нашу троицу, предложил один стражник. – Пока дотащим, все доспехи в их го... грязи будут. Мыло-то свое тратить придется.

– Берите, – отмахнулся гнусавый мужик в плаще. – Сказано – большая облава? Значит, гребем подчистую. Сам будешь потом Отступнику объяснять, почему не выполнил приказ? Да сеть накинь и тащи, олух, руками-то не трогай, заразишься. Расходуй потом на тебя целительные амулеты, коли ты при исполнении дрянь какую подцепишь... Стой, придурок! Обычную сеть накинь, обычную! Не магическую!!! Понабрали ур-р-родов в стражу, в бездну вашу вонь... – И он, ворча, ушел из тупика.

Ну и вот... хоть не били. Руками вообще не трогали, ни нас, ни наше барахлишко. На мою милую сумочку, купленную в прошлом году на распродаже после Рождества в Таллине, тоже попало немножко грязи, и ее приняли за бомжацкий узел.

На нас самих накинули обещанную сеть из тонкой и жутко крепкой бечевки и потянули за собой, как рыбу в неводе. Спасибо, не магическую, хотя и так хорошего мало.

Я спотыкалась о неровные булыжники мостовой, мысленно материла слишком резко державших за сеть стражников и предавалась унынию, как и мои спутники. Вот стоило так круто убежать, чтобы так легко попасться? И грязью мы вымазались скорее от отчаяния... эх. Ладно. Живы будем – не помрем.

Нас приволокли на большую и довольно запущенную площадь. Я еще успела полюбоваться плетеными загородками, разделяющими ее на отсеки-клетки. Оценила количество народа, пораспиханного в эти загоны, и уже хотела приуныть окончательно, но тут...

Увидела эльфа.

Самого настоящего!

С ума сойти, никогда не думала, что девчачьи фэнтезийные штампы могут появиться наяву. Я у дочки в дайриках таких мальчиков видела – либо нарисованных, либо кукольных. Есть такие дорогушие авторские куклы нереально красивых мальчиков с по-женски утонченными лицами и огромными глазами при остроконечных ушках. Сплошное мимими.

Вот и этот, сидящий на колченогом стуле за ободранным столом самого канцелярского вида, был именно такой. На первый взгляд. Но стоило встретиться с ним глазами – и впечатление резко изменилось.

Глаза у него были совершенно несказочные. Ледяные были глаза, равнодушно-выгоревшие. И очень усталые. Когда эльф заметил, что я в упор его разглядываю, по его губам скользнула презрительно-брезгливая усмешка. Кажется, я не первая так тарасилась. Ну точно, вон из соседней компании пленников низкорослая приземистая рыжуля с косичками тоже съедает куколку обожающими взглядами, ее так даже усмешечка не останавливает.

А я... У меня, наверное, стресс. Иначе как объяснить, что я не опустила глаза, не прикинулась ветошью, а спокойно прищурилась на эльфа, чуть усмехнулась уголками рта и отвернулась. Ос-с-спыдя, что я, смазливых пацанов не видела? Даже таких сказочных и сволочных. Не, понятно, что я тут замаскированная чушка, вся в грязи и конспирации. Но растекаться лужицей не собираюсь.

Вот я дура-то, а! Надо было мне выпендриваться?! Вон и Игги в спину пнул, явно понял, как я облажалась. А эльф уже махнул в мою сторону рукой и что-то скомандовал своим подручным.

– Светлые боги, – обреченно вздохнула за спиной бабушка Му. – У него артефакт... Не иначе чистокровку ищут.

Я не успела даже вздрогнуть и обернуться – меня уже подхватили двое стражников, очень споро, забыв про брезгливость к грязи, выпутали из сетки и потащили к эльфу. Бли-и-ин! Может, пнуть правого по коленной чашечке, укусить левого за волосатую лапу и... Ага, нашлась Ремба. Давно по голове не получала? Тут потомственные обитатели трущоб не рыпаются, а ты, горожанка из относительно мирного Питера, и вовсе притворись ветошью и не отсвечивай. Вдруг еще пронесет? Ну вдруг? Получилось же из пещеры сбежать, хотя бабушка Му говорила, что это почти невозможно...

Ой, еще один! Еще один мальчик-красавчик, только темноволосый и синеглазый. На секунду мелькнул в толпе и исчез, пронзив меня горящим взглядом. Я так удивилась, что на мгновение забыла про блондина. Ну, этот о себе быстро напомнил.

Меня поставили прямо перед эльфом, и я поневоле еще на пару секунд залюбовалась его кукольной красотой. Хрупкий; хотя и высокий, но впечатления изнеженности и слабости не производит. Скорее тонкий, упругий и острый, как старинный клинок из дамасской стали. Блондинчик с длинными локонами и морозным взглядом. И у него на пальце какой-то подозрительный перстень, на который он косится, вроде как незаметно выдвинув в мою сторону.

Это артефакт? Ой, бли-и-ин! Какой-то местный анализатор состава крови? Учитывая магию, я уже ко всему готова. Только не к тому, что сейчас во мне определяют чистокровную человечку и потащат размножаться. Интересно, вот этот самый и потащит? Ну, у него взгляд стал такой... оценивающий. Может, не все так плохо? Красивый мужик в постели, плюс дети от него будут мелкие, наверное, легко будет рожать...

Интересно, от этого магического рентгена побочка бывает? Должны бы предупредить, уж точно дать расписаться на обычном листочке: «Даю согласие на медицинские процедуры...» Тьфу, о чем я думаю? Да о чем попало, это от страха...

– Уберите. – Голос прозвучал холодно и с ноткой разочарования. – Обычная смесь из помоечных. В общий загон.

Чего?! Артефакт у него заглянул или?..

Глава 10

Что это было?

Шанс выбраться из этого концентрационного свинарника в нормальный мир, с чистой одеждой и ванной? Встретить понимание и защиту? Или опять стать товаром, который обязательно помогут, ага. Перед продажей для размножения.

Пожалуй, второе. Лучше не рисковать. Этот льдистый мальчик, судя по его виду, обижен на жизнь. И каждый встречный для него – обидчик. Определил меня в общий загон и забыл.

Так что лучше я сама его забуду. Отложу в копилку личных впечатлений – недолгая встреча с эльфом. Заключил его артефакт, или я кровь за день поменяла – значения не имеет.

Приятных пополнений в эту копилку не предвиделось. О нашей судьбе уже успел шепнуть Игги. Если нас не признают особо злостными злодеями, сидеть нам в загоне до утра, не евши, не пивши. Захотим попить – признаемся, расскажем, кто мы такие. Тогда нас вернут в пещеру. Не признаемся – найдется добрый поручитель, который объявит нас своими домо-чадцами, заплатит скромную денежку Городу, наденет ошейники и отведет к себе. Кранты. Мы будем на него работать. Как и сколько – ему решать. Если работать плохо, продаст в ту же гоблинскую пещеру.

Бр-р-р. Что совой об пень, что пнем об сову. Не хочу!

Радует только то, что мы опять втроем. Не радует, что эта парочка не то чтобы совсем выпала в уныние, но поглядывает на меня с надеждой. В прошлый раз я организовала им бегство. Не стану ли талисманом и на этот раз?

А еще бабушка Му довольно долго мялась, прежде чем посмотреть мне в глаза и признаться:

– Прости... сначала я думала, что ты просто смеска из рабского каравана. Откуда-то издалека. Потом... потом я поняла, какая ты странная, и была злая мысль: если ты чистокровка, то награда за тебя больше, чем все мое племя стоит на торгах у гоблинов. Я чуть не нарушила клятву благодарности, и богиня меня сразу покарала, нас поймали. Но в тебе нет чистой крови, и это к лучшему. А мне урок... – И старушка поклонилась мне в ноги – в тесном загончике провернуть такой фокус было непросто. Уф-ф-ф... Но про чистую кровь – это что было? Я думала, у эльфа артефакт сломался, но бабушка говорит, что нет. Это с моей кровью что-то не в порядке. А что может быть с моей кровью обычного человека, кроме... нуروفена?! Он же влияет на химический состав, и... так. Все потом. Если нас утром продадут в рабство, пофиг будет на состав крови. Надо думать раньше.

Пока что интересных идей в голову не приходило. Взгляд бездумно скользил по загону – оборванцы разбились на кучки и устало сидели на земле, прикрывшись лохмотьями. А вот за забором...

– Проклятые порождения выбрыков, – злобно прошипела ближайшая кучка тряпья. – Это мы словили кровохлебского летуна, и по понятиям золотник наш! А теперь жмыри железные захапуют его себе!

По ту сторону забора, увитого каким-то местным плющом, и правда спокойно стоял наш знакомый летающий зеброослик. Он флегматично отрывал листики плюща и с некоторым неодобрением косился на здоровенный барабан, аккуратно прислоненный к той же ограде. Тот, верно, казался ему большим и круглым животным, к счастью неподвижным и звуков не издающим. Поэтому зеброослик смирился с неудачным соседством. Какие-то хитрые бестии избавили его от кузова с сиденьями, продали наверное. Я уже заметила, что мир этот не особенно богат, тут и половичок перед домом стырят.

М-да, кузов-то стырили, а вот длинные крепежные ремни отвязать то ли не смогли, то ли не успели. Стражник воспользовался одним и прикрепил скотинку к нашей решетке аккурат рядом с барабаном. Кстати...

И тут я вспомнила одну книжку, про осла и восточного мудреца.

Игги еще раз взглянул на меня с надеждой. Я шепнула ему на ухо свой план. Он посмотрел удивленно, а потом – чуть не засиял.

К счастью, факелы давали скромный отблеск: какую-нибудь крупную движуху, если, например, узники начнут ломать ограду, разглядеть можно. А вот если один маленький мальчик подползет и...

Для чего тут этот бубен-переросток – непонятно, но в него бьют время от времени. И наш зеброослик вздрагивал и дергался от каждого «бу-у-умб!».

Счас устроим музон в другом стиле!

Главную пакость я совершила лично, после того как Игги привязал барабан к ослиной упряжи. Достала булавку. Пять раз мысленно извинилась перед невинной зверушкой. Один раз извинилась шепотом. Просунула руку между прутьями. И ткнула зеброосла прямо в филейную часть.

Й-Й-ЙО-О-О-О-О-О-! Бумб-бумб-бумб-бумб-бумб-б-б-б! Й-Й-ЙО-О-О-О-О-О-О!!!

А-а-а-а!!! Хар-р-рашо пошел! Быстро, громко, весело! Прости меня, животинка, еще раз, но флаг тебе в зубы и барабан... на сбрую! Давай, дорогой! Впере-е-ед! Оппа! Столик с эльфом снес. Е-е-е-е, все смешалось в доме эльфонских... Главное, взлетать команды не было, а потому зеброосел метался по площади исключительно пешком, в ужасе пытаюсь сбежать от страшного грохочущего чудовища, преследующего его по пятам. А за ним радостно скакали барабан и кусок нашего забора, на ходу срезая любого стражника, пытавшегося встать на пути разрушения, как хорошая сенокосилка. Направо поскакал – просека, налево – стожок. И где-то в середине безобразия страшно матерится эльф. Оппа! Стойку с факелами разбомбил. На площади стало заметно темнее. Пора!

– Мелкий, валим! – рыкнула я, нащупывая во тьме своих спутников.

Булавку в сумку, ноги в руки, тем более что Игги уже волок меня куда-то в переулок, подальше от эпицентра ослино-эльфийской вакханалии. Другой рукой он так же крепко вцепился в тихо охающую бабушку, которая с места развила заметную прыть, какую не заподозришь у весьма почтенного на вид существа.

Собственно, в покоцанном загоне не мы одни оказались такие умные. Народ мигом оценил зеброослиный подарок и активно рвал когти в разные стороны, в том числе и в наш переулок. Так что я опять бежала в живом потоке, только почти в полной темноте. Хорошо, что с навигатором. Одним из достоинств Игги оказались его кошачьи глаза. Он успевал вовремя крикнуть: «Влево, пригнись, прыгай». И я, видимо на голом инстинкте самосохранения, не споткнулась, и ни во что не врезалась, и не потеряла темп.

Поток беженцев рассеивался по боковым проулкам со скоростью вытекающей из решета воды. Скоро мы уже драпали по буеракам в гордом одиночестве. Игги выбрал нужное направление. И, уж не знаю, сколько минут бешеной гонки спустя, наконец притормозил, вцепившись мне в рукав. Несколько раз со всхлипом вздохнул и выдавил:

– Ф-ф-фу-у-у-уф... Можно... ф-фу... тише идти. Вся шушера в железных скорлупках осталась там... ф-ф-ф-ф... Патрулей до утра не встретим.

«Будем надеяться», – вяло подумала я, пытаюсь отдышаться и медленно сползая в пыльную траву на обочине. Меня накрыло откатом, да так, что коленки подогнулись. Весь чертов день замелькал перед глазами кадрами ускоренной перемотки. Я даже головой помотала, чтобы выключить «кино», потому что от него стало еще хуже – к одышке добавилась тошнота. Тьфу... ничего, сейчас. Сейчас я немного посижу и приду в себя.

Интересно, а насмешливый синий взгляд в спину там, на площади, когда мы уже драпали во все лопатки, мне почудился? Да черт с ним... Сейчас я его не чувствую и во время бешеного скака по проулкам не чувствовала. И слишком устала, чтобы бояться каких-то взглядов. Чего глаз бояться, если тебя руками норовят полапать все, кому не лень?

Глава 11

Лимеас из клана Остролиста:

За окном – день, на столе четвертая чашка кофе, на плечах свернулась Тишина. И такое стеклянное состояние, когда ни спать, ни бодрствовать нормально.

Думать тоже не хочется. Мысли думаются сами.

Большая облава хороша тем, что после нее утренние сводки пусты. Все возмутители спокойствия либо пойманы, либо зарылись ниже фундамента дня на три, не меньше.

В остальном – ничего хорошего. Уже подано восемь жалоб от торгово-ремесленных братств и девяносто жалоб от граждан. Потом – заседание Малого Совета. Общее бу-бу-бу: «Так нельзя, господин Остролист! Вы превышаете свои полномочия! Мы будем вынуждены обсудить ваше соответствие занимаемой должности...»

Да-да. Они, похоже, соскучились по моему коронному номеру: жезл начальника стражи на стол главы Совета. Со стуком.

«Я готов уступить это место достойному. Назовите кандидата».

Я непроизвольно напрягся в кресле, словно и правда хотел вскочить. Тишина уцепилась когтями за мой камзол и укоризненно повисла. Фыркнула, мурлыкнула: «Что это было, хозяин, чего ты испугался? Была бы опасность – я бы почувствовала». Потом опять вскарабкалась мне на плечи, изобразив жесткий редкошерстный воротник, и задремала.

Кстати, жезл никто бы не взял. Если бы протянул руку кто-нибудь из клана гномов, орков, тем более вампиров, раздалось бы всеобщее «Не-е-ет!». Угу, скорее глотки друг другу перегрызут, чем откажутся от меня. Потому что даже под давлением отца я остаюсь беспристрастным в большинстве случаев, и они все – все! – об этом знают.

Правда, есть еще Вэйн Рин Корван, наглый кровохлеб и провокатор. Вот кто не откажется от жезла. Но главы кланов скорее съедят свои пальцы, чем подпишут приказ о его назначении. Включая его собственного вампирского главу.

Так что да, я зло. Но самое терпимое зло на посту начальника стражи. Это понимают все, кроме отца. Который скоро прибудет, и мне бы настроиться на встречу с ним.

Что же мешает? Эта странная замарашка, встреченная за полчаса до неожиданной и громкой истории. Спасибо, что разбежался общий загон для бродяжек, а не отсек с воришками.

Какая-то загадка в этой зама... в этой даме есть. Так изварзаться и всё равно глазеть без страха – дорогого стоит. То, что она не может быть чистокровкой, было понятно уже из ее возраста. Не старуха, но и не девчонка. А гоблы выбирают юных, чтобы успели родить несколько детей, прежде чем сторят.

Так вот эта явно местная и далеко не соплюха. Еще понял бы наглуую юную девицу. Гонора много, мозгов мало. Точнее – опыта мало. Они рассчитывают своей красотой и юностью добиться сразу всего. Каждая мнит, что впереди у нее великое будущее, которое может знать только святой остролист и Великое Колесо. В чьи жены выбьется, кем будет вертеть, какую власть получит. Не прямую, конечно, такая власть всегда была и будет у мужчин. Однако власть ночного ложа иногда сильнее дневной власти.

Но к ее-то годам надо понимать место в жизни. Не стала дамой, не заработала покровительства богатого мужчины, не обзавелась печатью горожанки. Так смиришься, не пялься. Шепчи про ошибку, просись домой. Даже если дом без крыши.

Нет же. Глядела, сквозь грязь на ресницах. Устало, уверенно, немного удивленно.

Смог бы я так смотреть, измазавшись, как последний свинорыл? Попытался бы точно. Может, и судьба у нее как у меня. Надо спуститься, взглянуть на вторично пойманных беглецов из загона... не всех, конечно. Нет ли ее?

– Привет, большой начальник. – Дверь хлопнула, и я не успел даже моргнуть, как мой помощник уже устроился в кресле напротив меня. Кровохлебы быстрые парни, этого у них не отнять. Даже быстрее эльфов. Жаль только, в сволочизме они нас тоже опережают.

Но этот конкретный – один из немногих в этом городе, кого я могу назвать другом. Мой первый зам и такой же изгнанник из своей семьи.

– Что у вас тут за бардак? Весь город как с ума сошел. – Флесс откинулся на спинку кресла и устало потер глаза, а потом поморщился, осторожно погладив угол челюсти. – Отчет по поездке уже у Хвыща, потом глянь. Там ничего срочного. Особенно по сравнению с тем, что ты сам поставил Город на уши.

Я хмыкнул и коротко изложил события предыдущих суток, следя за реакцией друга. Он, конечно, давно наплевал на интересы клана и счастливо женат на полукровке-орке. Но кто знает, как отзовется на новость о сбежавшем сокровище?

– Проклятого храма им в задницу! – впечатлился Флессан. – То-то я наткнулся в трущобах на хитрозадого братца! Они до сих пор ищут! Ох...

– Сходи к магу, – укоризненно покачал головой я. – Стыдобища, первый помощник начальника стражи не может зуб вылечить нормально. Сколько ты уже с ним маешься? Давно бы решил проблему.

– Нинна приболела, – вздохнул вампир и посмотрел на меня немного виновато. – Сразу после того, как мы вложились в прививки для близнецов. Сам понимаешь... зуб – это не смертельно. Потерплю до следующего месяца и следующего жалования. И нет! В долг не возьму. Мы с тобой за прошлый раз еще не рассчитались. В конце концов, если прижмет совсем – на площадь схожу и выдеру к проклятым.

– Иди работай, должник, – вздохнул я. – Велю Хвыщу перенаправлять к тебе горожан с жалобами. Морока с каждой небольшая, но их много. Под это дело выпишем тебе премию в конце месяца, выбью. Вали!

– Уже ушел! – криво, но радостно улыбнулся наш штатный кровохлеб и смылся из кабинета. Эх... мне б его проблемы. С минуты на минуту явится отец, и это хуже больного зуба. Это хуже целой больной челюсти!

Тишина у меня на плечах вздрогнула и дернула хвостом, впиваясь когтями в куртку. Нет, она не вспоминает во сне неудачную охоту на вспорхнувшую птицу. У этих тварей за два года устанавливается прочная связь с хозяином. Любая потенциальная опасность тревожит и ее. Вот как эти торопливые шаги в коридоре.

Дверь, конечно же, раскрылась без стука. За шаг до нее отец взял себя в руки. Судя по лицу, он только что принял ледяную ванну.

– Я хочу видеть найденную чистокровку. – Из отцовского рта вылетело несколько снежинок. Во всяком случае, мне так показалось.

– У меня ее нет, – ответил я спокойно и безразлично, будто на лед насыпал песок.

– Тогда ты можешь показать ее тело? – продолжил отец в том же тоне.

– Она не поймана и не убита, – еще безразличней сообщил я.

– Какому клану она досталась? – отец спросил так тихо, будто снежинка упала на снежинку.

Я перевернул донесение Хвыща.

– Сведения получасовой давности. Ни один клан не отозвал соглядатаев из Ничейных кварталов. Ни один клан не прекратил поиски чистокровки. И ты не хуже меня знаешь, что никто не будет ломать комедию. Пойманную чистокровку сразу доставят в Дом клана, откуда выцарапать ее уже нельзя. Только осадой или штурмом.

– Конечно, – усмехнулся отец, – я предполагал с самого начала, что бездарный сыщик с помоечной кошкой...

– Ни один клан не прекратил поиски чистокровки, – повторил я. Причем с каждым словом сильнее и громче. – Ни один клан, кроме эльфийского. Ты прекрасно знаешь, что наш клан не тратится на соглядатаев, потому что эту работу для вас выполняю я. И продолжаю выполнять.

Теперь я уже не сыпал песок. Я устроил направленную песчаную бурю. Тишина взглянула изумленно, даже чуть коготнула меня. Да, она любит тишину, если ловит птиц, то хватает ту, что чирикает громче всех. Но сейчас решила меня поддержать. Спрыгнула с плеч на кресло, положила на стол передние лапы, взглянула на отца. Зашипела, а потом взвыла на самой высокой ноте. Как привидение, увидевшее своего убийцу.

– Для вас я отступник. Для всех остальных – эльфийский агент. Меня терпят потому, что я помогаю своим не так явно, как ты бы хотел. И тебе придется с этим смириться, – я нарочно говорил тихо и подчеркнуто спокойно.

– Что же, – так же тихо и медленно произнес глава клана Остролиста. – Я тебя услышал. Жди неприятностей.

И ушел.

Глава 12

Вот уж не думала, что идти по солнцепеку на базар мне так понравится. Но это лучше, чем горбатиться на том же солнцепеке два дня подряд.

Та суматошная ночь закончилась без приключений. Еще не рассвело, когда мы оказались на территории Дома огородников. Я это не сразу поняла, а Му и Игги будто выпили крепкого кофе. Лицом повеселели, быстрее засеменили. А я лишней раз ощутила себя чужой на этом празднике жизни.

Дальше радоваться было нечему. С моей точки зрения. Му по дороге расспросила соплеменника, к кому лучше обратиться. Лучшим гостеприимцем оказался зеленый коротышка, которого я тотчас же обозвала Хммм, а имя не запомнила – много чести.

Хозяин участка узнал, что мы не полноправные горожане, произнес: «Хм-м-м». Потом почесал ботву на голове и объявил, что в первый день покормит нас бесплатно. Но работать надо начать уже сегодня. Завтрашняя кормежка – по результатам. Если на приусадебный участок забредет городская стража с ордером на обыск, объясняться или прятаться – наше дело. На территорию Дома – как я поняла, это что-то вроде средневекового замка или современного закрытого жилого комплекса, куда полиции хода нет, – нас не пустят.

Все это я слушала без особого энтузиазма. Отупела от усталости. Даже эмоции почти пропали. Так что едва успела упасть на охапку сухой травы до того, как отрубилась. Смутно подумала, что хорошо бы дома проснуться. И пусть все окажется кошмарным сном!

Утро началось рано. Нет, не так. УТРО НАЧАЛОСЬ РАНО! Чтоб оно провалилось совсем.

Я и до этого подозревала, что аграрий из меня аховый, а тут убедилась окончательно. Ну и агрокомплекс местный тоже со спецификой. Вроде всё благоприятно: солнце, дважды в день пятиминутный ливень, теплые ночи. Потому-то всё здесь растет как бамбук – утром росток, на закате стебелек с листьями в мою ладонь.

Проблема в том, что быстрее всего растут сорняки. И если их вовремя не выколоть, они съедят местную морковь, свеколку, молодильные яблочки и бешеные ананасы – или черт знает, что у них тут на грядках произрастает. Без тренировки фига с два отличишь, где раскудрился местный овощ, а где коварно тянет ресурсы неправильный сорняк. А в нагрузку к этому – местный милый жужжащий мир: если иные растения до заката не собрать, за ночь какая-то разновидность светляков съест дочиста. Главное, сорняки тот жук поганый жрать не будет, только вкусную ананасину...

Жучки да обычные сорнячки – полбеда. Но на грядки норовят пролезть еще сорняки особой пакостности, косящие под съедобные травы-овощи. И если их проглядеть, будет большая подляна потребителю продукции. О самом опасном растительном хитреце бабушка Му предупредила сразу.

– Будешь собирать пурпурный салат – всегда высматривай морозцу. Она тоже красная, только лист салатный-та – округлый, как твой язык. А лист морозцы – на конце-та мыском остреньким. Даже одна морозца в корзину салата попала – считай-та, нет корзины, есть тумачи.

– Она ядовитая? – со вздохом спросила я, уныло вглядываясь в два по виду совершенно одинаковых листочка. Где тут у них язык, где мысок... черти их разберут.

– Хуже! Ядовиту травку блевануть можно. А морозца желудок сводит, коль цельный лист попал. Он и во рту напакостит, но не сразу, до десяти сосчитать успеешь, прежде чем почувешь. На вкус-то салатка и салатка. И сглотнешь ненароком. – Бабка вошла в раж и красочно продемонстрировала мне судороги задыхающегося едока. С хрипами и конвульсиями, очень натурально. И удовлетворенно подытожила: – Бывалоча, вусмерть задыхались. Ты, Лиль, не бойсь, он только в нутре смертелен. Поживешь с мое, будешь морозцу от салата вслепу отметать.

Пока же, коль в сумнении, оторви кусок с ноготок – да в рот. И пожуй маленько, до десятка посчитай. Салат сладок, вкусен, а морозца сначала под него кажется, а потом язык-та и сведет. Сразу плюй, и тогда нету вреда тебе, так, во рту противица, да ненадолго. Так и проверь.

– Настоящий огородник – тот, кто выдаст телегу салата без единой морозцы, – заметил Игги. Явно сам не очень рад тому, что судьба определила в огородники.

Вот радость, вот счастье! Мне с этим пурпурным салатом работать не только пальцами-глазами, но и языком? Но делать нечего. Отрывала кусочки от каждого подозрительного листа.

И скоро выявила гада! Язык одеревенел. Правда, минут на пятнадцать. И так было до вечера раза три.

Мне даже стало интересно. Чуть увеличивала дозы – тогда хоть зубы рви. Срок тот же, минут пятнадцать-двадцать. Не полчаса даже. Наестся такой травы – спазм пищевода, а то и дыхательных путей «вусмерть». А мини-доза – местная анестезия ротовой полости. Неужто здешние эскулапы этого не понимают?

Осторожно спросила бабушку Му – не покупают ли местные медики морозцу у огородников. Му замахала лапками:

– Да кто ж такую дрянь купит? Зачем она? Все знают, что морозца – трава ядовитая, нет в ней другого смысла, как пурпурный салат портить, а он-та дорожущий, только самым богатым по карману. А они за морозцу в тарелке и голову оторвут. Нашла – так и вырвала с корнем, от греха. И не трать на глупости время, огородником не станешь!

Я не хочу стать огородником! У меня кожа не зеленая, как у Игги или бабушки Му. Я врач. Я умею многое, но не умею по двенадцать часов гнуть спину в гуще сорняков и попутно отбиваться от всякой мерзкой кровососущей гадости и отличать коварный лист от съедобного. Думай, Лилька, думай... а пока не придумала... рви... чертовы... сорняки! А то кормить не будут. А морозцу эту мы разьясим... попозже.

От такой жизни за три дня я малость одеревенела, зазеленела и чуть не пустила корни. Поэтому при словах Игги о том, что сегодня идем в город трогать камень, поскольку жмот по имени Хммм выдал, наконец, по монетке на брата, я обрадовалась. Даже не спросила, что за камень и зачем его трогать. И при чем тут деньги.

– Мы пойдем на рынок и потрогаем краеугольный камень, – пока я умывалась, Игги охотно и обстоятельно начал разьяснения. – Чтобы камень поставил первый лист на твою ладонь, ему надо дать один цинь, циньку. Этим ты подтвердишь, что собираешься не просто жить в городе, но это... как его... – Зеленокожий мальчишка завел глаза к потолку и процитировал: – Будешь полезным членом общины. То есть денег себе заработаешь и налогов дашь, – пояснил он тут же, сбиваясь с пафосного тона. – Нам ух как повезло, что старый ошейник сняли, а новый-то надеть и не успели. Раб в ошейнике не может коснуться камня, его молнией стукнет, вот так: бабах! И сразу стража, стража! Донесут хозяину, тот будет платить штраф, а потом с тебя шкуру спустит. Я пробовал, – бесхитростно закончил он и вздохнул, передернув плечами. – Не понравилось. Больно.

– Так, погоди. – Я наскоро, пятерней, причесала волосы и в который раз порадовалась практичной стрижке. Как раз незадолго до попадания ходила в парикмахерскую, теперь волосы в глаза не лезут, особенно если их косынкой повязать, да и в уходе без лишних сложностей. – Так, погоди... Почему тогда все те, что живут в Ничейных кварталах без ошейника, не ходят к камню?

– А где ж им денег взять? – удивился Игги. – Они ж за еду если где подработают – и то рады. Ты что думала, такие огородники, как мы, – тут он приосанился, – по помойкам шоркаются? Держи мошну шире! Коли у тебя умение нужное в руках – не пропадешь. Хотя... тут еще знакомства важны. Вот мы, например.

– Вы? – Я сделала заинтересованный вид, поощряя пацана к дальнейшему рассказу. А то пока грядки полола, как-то не было времени подробности о мире узнавать.

– Мы. Конечно, пока в ошейниках – думать нечего было о свободе, – тут Игги помрачнел от воспоминаний. – Но нам повезло. За те два года, что мы в поместье господина Веришея прожили, полгорода знакомых-то появилось. И многие знали, что огородники мы с ба не из последних. Так бы кого из ничейки и пустили на грядки без рекомендации. Да еще б жалование дали, хотя и маленькое, да настоящее. Вот, три монеты на троих у нас есть – пойдём, камню заплатим и уже не совсем безнадёги бесправные будем, а как бы эти... кандидаты. В полезные граждане.

Тут пришла бабушка Му и велела нам братья за корзинки да и топать, а то свободные-то полдня наши пройдут без толку. А нам надо еще те капустанасы, что хозяин выбраковал, успеть на мясо обменять, чтоб, значит, похлёбку сварить. На одной траве долго не протянем.

На рынок, хм... А вдруг я там краем глаза давешнего эльфа увижу? Нет, я вовсе не влюбилась. Просто после агрокарги мне было бы приятно посмотреть на что-то красивое.

Глава 13

Лимеас из клана Остролиста:

Со времен учреждения моего поста я семнадцатый начальник стражи Города. Не сомневаюсь, что первый из семнадцати, который идет со своим подчиненным в Цирюльный ряд, избавить означенного подчиненного от боли.

Не думаю, что кто-нибудь удивится. Я Отступник, я всё делаю по-своему.

Проблема у Флесса серьезная. Я выяснил, что Нинна не просто приболела. Ребенок серьезно отравился. Или случайно, или кто-то захотел до отца дотянуться. С этим мы еще разберемся... да. До меня, к счастью, дотянуться могут только свои, причем только через мать.

Пока мой помощник был в отъезде, его жена Аини дважды меняла целителей, два раза девочке становилось лучше... на полчаса, чтобы жулики успели получить расчет и сбежать. На третий раз Флесс вернулся вовремя, пинками выгнал очередного шарлатана из дома, а потом успокоил рыдающую жену, пришел в канцелярию, выбил жалованье за полгода вперед, занял у меня еще примерно столько же и пригласил-таки кланового мага. Слава остролисту, Нинна пошла на поправку, но мой друг остался без денег. И как назло, буквально на следующее утро после облавы один из вампирских клыков, давняя его проблема, задал ему такого жару, что Флесс ходил зеленый, словно труп. И молча терпел, пока я не грохнул кулаком по столу, вызвав неудовольствие спящей среди папок с документами Тишины.

Теперь вместе едем в Цирюльный ряд, лечить самого Флесса. К самым главным мошенникам этой части рынка – базарным зубодерам.

Какой-нибудь мудрец подумает: нарочно эльф-начальник гуляет с вампиром-подчиненным, чтобы показать – между двумя самыми сильными кланами Города вражды нет. Пусть думает, я не против.

Экипаж въезжает в Цирюльный ряд. В притоне мошенников шумно, как в таверне, только драки нет. Э... есть!

Лилька:

Овощи и полезные травы на огороде – собственность хозяина, кто бы спорил. Но на то мы и огородники... в смысле бабуля Му – огородница, каких поискать. У нас корзина с ценными сорняками, вполне годными для обмена на что-то съедобное, но не растительное. Травка, с которой самая острая еда войдет в желудок без вреда. Листья, чтобы пожевать и не заснуть. И десяток листиков той самой коварной морозцы, взятой по моей инициативе. Хотя кому его продать – никто не сообразил пока.

– Вот придумала тоже, – тихонько ворчала бабушка Му, бодро ковыляя рядом со мной и ревниво косясь на корзинку. – Лучше б еще зернышек острокустика надрали у забора-та... Он много воды любит, а здешние-та олухи вечно лишнее ведро ленятся плеснуть, как же, сорняк... Дык острый-та кустик, он в самой гуще и любит расти... тьфу. Ну зачем тебе эта дрянь?

– Посмотрим, посмотрим, – вздохнула я. И подумала, что интуиция меня еще никогда не подводила, вот и сейчас буду ей доверять. – Зерен этих перечных мы и так набрали полкорзины, все кусты под забором ободрали. Там больше и не осталось.

– От дурна-та девка... Никакой чуйки на травы, – вздохнула бабушка Му. – А за отхожим местом посмотреть, ишь, белы ручки не позволяют? Да ладна... Не чистокровка, и то хлеб. А то я уж испугалась тогда... А так-та выучишься, коли жить захочешь.

Я мысленно представила себе свою дальнейшую жизнь на грядке и содрогнулась. Ну нет. Я не я буду, если не осмотрюсь как следует и не найду применения своим навыкам. Зря я, что ли, столько лет училась, а потом стаж нарабатывала? Как у здешних обитателей с зубами? Правда, у них тут маги. Вполне возможно, им стоит только волшебной палочкой ткнуть – и

любая зубная боль пройдет. И клык новый вырастет, и резец заточится... Тогда беда. Придется осваивать ботанику.

– Ты головой-та по сторонам не верти, словно коза на огород впервые попала, не знает, какую ботву первой объесть, – дернула меня за локоть бабушка. – Под ноги больше смотри. Правильные девки так не глазеют, открыто-та...

– Вспомнила бабка, как девкой была, – хихикнула я. – Я уже взрослая тетенька, бабуль, на молодку никак не тяну. А по сторонам любопытного много. И нового...

Ну, на самом деле базар – он и есть базар. В основном продают всякое съестное, а ремесленные ряды – они отдельно, по периметру площади. В правом углу дымят и куют, в левом – дымят и варят, в третьем закуте тоже дым коромыслом, но чем там народ занимается – я не поняла, бабушка утащила меня к мясным рядам. Нам по карману нынче только мелкие пичужки, чуть крупнее голубя, вот в уплату за двух этих пернатых вся трава из корзины и ушла. Одна морозца осталась – на радость бабушке. Такой повод поворчать.

Краеугольный камень, или, как пафосно его называл Игги, камень свободы, торчал посреди рынка черным столбом. Больше всего он был похож на банкомат-переросток. Даже прорезь для денежки была и небольшая ниша, куда надо засунуть руку, чтобы получить первый листочек на запястье. Красивая, кстати, татуировка. Когда листиков станет двенадцать, они обовьют руку браслетом, дающим право на разные привилегии, например заседать в Городском совете.

Но все двенадцать листиков мало кто получает, потому что каждый последующий взнос больше предыдущего. Соответственно, полное гражданство стоит очень дорого и доступно только богатым или клановым из элиты. Нам трех-четырёх листиков хватит – лицензию на самостоятельную трудовую деятельность получить, право аренды земли и домов, право купить те землю и дома... если деньги есть. И достаточно.

Отойдя от краеугольного камня, мы неторопливо почапали через рынок в сторону дома. Я воспользовалась случаем и опять глазела по сторонам, стараясь понять, что кругом за люди... то есть нелюди. Что они делают, чем живут. Какие у них радости, огорчения... В целом-то даже разнообразные расы примелькались через полчаса максимум, так что я перестала засматриваться на здоровенных клыкастых орков (вот бы попробовать сделать такие протезы) и низкорослых бородатых гномов. А вот их занятия были мне ужасно интересны.

– Ишь, паразиты, уже дело свое страшное затеяли, глянуть боязно, – пробухтела мне под локоток бабушка Му, дергая в сторону от одного из боковых рядов. Но тут я уперлась, как та самая коза, всеми копытами в землю. Потому что... Неужели?! Да быть не может! Правда?!

– А-а-а-а, проклятый криворук, не тот зуб выдернул! Убью, гаденыш бородатый!

– Лил, дурында ты длинная! Пошли! – бабушка Му шипела не хуже рассерженной кошки, пытаюсь сдвинуть меня с места, а с другой стороны меня пихал подзуженный старшей родственницей Игги, но без особого энтузиазма. Соответственно, и без особого эффекта. А я стояла столбом, возможно даже краеугольным, и во все глаза наблюдала шоу «на заре стоматологии».

Вдоль обшарпанной стены какого-то лабаза стоял кривоватый рядок перевернутых корзин, на которых сидели клиенты. Кому-то из них, нахлобучив на голову горшок, деловито обстригали космы по периметру посуды, кому-то, обильно намазав физиономию, брили подбородок и щеки. А у самого края здоровенный орк в стильном кожаном костюме сыпал проклятьями и колотил огромными коваными щипцами по корзине, надетой на голову некому существу, низкорослому и плотненькому. По торчащей из-под плетеной «шляпы» бороде было понятно, что провинился гном. А из воплей озверевшего клыкача можно было сделать вывод: данный гном замахнулся на удаление большого зуба, но задачу не осилил и теперь имеет бледный вид. Там, под корзинкой.

И в этот момент, с размаху всадив щипцы между переломленными прутьями, орк издал последний яростный рык, после чего вскинул лапу, в которой блеснул маленький кругляш.

– А ну, коновалы, пнем вас в полено! Плачу золотом тому, кто избавит меня от боли с первого раза! А мошенника – разорву на части! Мое слово!

– Светлые и темные боги, – ахнула бабушка Му, глядя на монетку, как загипнотизированная. – Это же месяц наших трудов... Припекло, видать, болезного... Лилька! Дура такая, стой, куда?!

Но поздно. Я уже шагнула к орку, нашаривая в своей собственной корзинке кувшинчик с водой и заветную морозцу.

Глава 14

Лимеас из клана Остролиста:

Под кожаным пологом было душновато, пахло застарелым лошадиным потом и чесночным салом – наш штатный конюх очень уважал это блюдо. Я думал было откинуть полог, но потом махнул рукой – только хуже станет, когда через рынок поедем.

Когда под колесами защелкали мелкие плитки мостовой перед Цирюльным рядом, я услышал шум, несколько превышающий обычный базарный гомон. Откинув полог, я быстро огляделся. Хм, кажется, тут что-то было, но уже закончилось. Или нет?

Пациент как раз закончил бить цирюльника (иногда мошенников полезно учить) и требовал дальнейшего лечения. В толстых и мощных пальцах сверкала монета. Флесс, высунувшийся из-под полога у моего плеча, взглянул на нее столь вожаденно, что я еще раз пожалел беднягу.

Чуть в сторонке два слегка взерошенных гнома пытались стянуть с головы незадачливого сородича нахлобученную корзинку. Орк вколотил ее так добросовестно, что было понятно, почему прочие цирюльники не стремятся разбогатеть. Деньги большие, но чужие, а жизнь – своя. Профессию орка я определил сразу – охранник караванов, торгующих с не самыми гостеприимными племенами на севере. Судя по одежде, не рядовой, минимум десятник. Даже странно – такие в Цирюльном ряду ищут мастеров, только если, например, обломок стрелы в спинной гриве застрял, а лечиться предпочитают у магов. Им заработки позволяют. Ну, в крайнем случае, костоправа к себе подпустят, но никак не базарного зубодера. Видимо, сильно наемника припекло, раз на такие меры пошел.

Впрочем, замешательство длилось недолго. Смельчак нашелся...

Нет, не смельчак. Меня трудно удивить. Я, как этот громила, мог бы сам звенеть золотом и говорить: удивите – дам монету. На этот раз пришлось бы дать. К орку направилась женщина, причем явно полукровка, из тех, что могут при определенном освещении даже сойти за человечку.

Что-то у меня от удивления мысли запутались. Какие женщины в Цирюльном ряду? Стричь, брить, резать мозоли и рвать зубы – только мужская работа. Интересно, что она хочет? Убежать с монетой?

Приглядевшись, я понял: эта не побежит. В смысле – сейчас не побежит, а из загона ночью она весьма шустро удрала, среди пойманных вторично беглецов тогда ее не было. Да, та самая замарашка-незнакомка. Уже не замарашка, хотя одета в то же тряпье, я, кажется, даже расположение самых стойких пятен запомнил. Сейчас видно, что волосы светлые, аккуратно причесанные, но непривычно короткие. Шлюхи так не стригутся... Интересно, как бы она выглядела в белом платье, с аметистовым ожерельем?

Странная мысль. И сейчас мне не это должно быть интересно, а что она задумала и на что рассчитывает. Орк глянул на нее выпученными глазами, но после короткой, но весьма эмоциональной беседы хмыкнул и уселся на корзину. Я прищурился, глянул искоса на помощника и решил, что за то время, пока полукровка будет показывать чудеса изворотливости в попытке избавить наемника от золота, он не умрет. Кожаный полог и скрывал нас от взглядов, и дарил тень, так что можно поглядеть почти в прохладе.

– Лим, если она вырвет зуб ему, может, и мне к ней обратиться? – пошутил Флесс. Для него, как и для меня, история о том, как женщина рвет зубы, была только шуткой.

Лилька:

Страх пропал сразу. Есть пациент с зубной болью. Есть врач – это я. Даже если весь инструментарий врача – кувшинчик с водой и неизвестное растение, не прошедшее клинических испытаний. Остальные проблемы решаются по мере поступления.

– Лилька, кудой? Лилька, вернись, полоумная! – это бабушка Му. Раскомандовалась в последнее время, звезда огорода. Не бежит, не хватает, потому что ее удерживает Игги. Не вижу, а догадалась.

– Хей, красатуля, куда? – Дорогу мне заступил еще один приземистый бородач. У-у-у, тоже мне, стоматолог без зубов. Отродясь ротовую полость не санировал, судя по запаху... – Девкам тут делать нечего. Али золотушку схотела? Дык ты иди задом в другом месте покрути, на Веселом-то углу, глядишь, за год и заработаешь! – и он заржал, а остальные подхватили.

Пф-ф-ф... тоже мне, удивил. Я с института помню, что из бабы врач – как из унитаза трон. Типа тоже блестящий и чистый, ага. Преподаватели-мужики те еще шовинисты. Деточка, зачем тебе учиться, ты все равно выйдешь замуж и сядешь в декрет, а тут занимаешь место какого-нибудь парня, которому в будущем семью кормить. В профессию из их рук идут только самые устойчивые девчонки, кто научился пропускать идиотские шуточки и за спиной, и в глаза. И буриться к победе.

– Свои гнилые клыки почисти. Два уже удалять пора, – невозмутимо сказала я, отстранила бородастого зубодера и встала перед орком. Молча. Он тоже замолчал на полуслове и несколько секунд удивленно таращился на меня сверху вниз. Потом выпятил челюсть и грозно сдвинул брови. Плечи расправил. Навис.

Еще через полминутки понял, что нужного впечатления не произвел, выдохнул и хмыкнул:

– Что, девка, денег нада? На золотушку засмотрелась? А точно рискнешь? Я ведь слово сдержу, не посмотрю, что красатуля, голову отверну одним вертком! – и он сделал своими здоровенными лапищами красноречивое такое движение, словно выжимал белье.

– Садитесь и откройте рот. – Я кивнула на корзину. – И не крутите головой, пожалуйста.

Вокруг послышались сдержанные смешки и оханье. Народ ржал, перемигивался, где-то в задних рядах уже бились об заклад, убьет меня громила или только покалечит.

Я даже головы не повернула. Меня интересует только пациент. Кстати, он хоть и буйный, но трезвый, и это радует. Работать с пьяными и похмельными орками в прежней жизни мне не приходилось. Хотя... насколько сильно братки с золотыми коронками отличаются от орков? Только шмотки с лейблами...

Орк тем временем застыл, будто принял целую ванну с экстрактом морозцы. Потом ожил, словно оценил наконец, что смех смехом, а я, похоже, всерьез.

– Шо? Не шутишь? Ты мне прям по правде хошь зуб вылечить?! Ты, женщина?!

В моем голосе никакой ехидцы. Только сочувствие и только искреннее:

– А ты боишься женщин?

Орк на миг замер. Потом взревел так, что амулет языков, или что за руны там мне в мозг внедрили, не смог перевести, что он там крайне эмоционально транслировал. От избытка чувств бугай с больными клыками даже попрыгал немного на месте, но руками в мою сторону размахивать не стал, вот диво. То ли воспитанный, то ли я – его последняя надежда. Потому что, прооравшись, наслушавшись одобрительного хохота остальных зубодеров и прочих зрителей, оценив мою невозмутимость и выдохшись, он таки сел на перевернутую корзину и распахнул пасть.

Первая маленькая победа, но я же не остановлюсь на достигнутом? Конечно, нет!

Глава 15

Да-да! Первая победа и первая удача. Рядом еще одна корзина, та самая, которую с контуженного гнома сняли. Сам бородатенький в ауте, сидит прямо на земле, привалившись к стене лабаза, и два его сородича суетятся вокруг, безуспешно пытаясь вернуть в нормальное положение сведенные к переносице глаза пострадавшего.

Так вот, поскольку сам «специалист» не в форме, весь его инструментарий остался без присмотра. Например, щипцы. Так из корзины и торчат. С первого захода их не выдрать, а если чуть раскатать, то можно вытянуть. Н-да-а-а... А он их хотя бы для разнообразия чистил когда-нибудь? Подумать страшно, что тут за микрофлора поперек ржавчины. Ладно, за неимением лучшего – сойдет.

Итак, что мы имеем? Не скажу, что у пациента так уж жутко пахнет изо рта. И с кариесом у него небогато. Угу, дырка от выдернутого премоляра еще кровоточит. Вот порtach бородачатый, всю десну бедолаге разворотил, представляю, как тому «весело» было обнаружить, что все страдания оказались напрасными и боль никуда не исчезла.

– Прополощите, но ни в коем случае не глотайте, сплюньте. – Я протянула орку кувшинчик с водой, в которой разболтала в кашу растертый мясистый лист морозцы. И обезболит, и, как многие подобные препараты, сузит сосуды, крови будет меньше. Лучше бы, конечно, прокипятить... но где ж я тут возьму такую роскошь? Будем надеяться на природный оркский иммунитет и на то, что за колодцами в городе строгий надзор, копают глубоко, почти до артезианского слоя. И ни в коем случае не допускают бесконтрольного слива фекальных вод. Или мой пациент – счастливцев.

– Бр-р-р-р-рл! – сказал орк и смачно сплюнул прямо на булыжники под ногами.

Я вздохнула, вспомнив простенькую плевательницу, и снова сосредоточилась. Та-а-ак... ага. Угу. Как интересно. Зубы у него своеобразные, в частности, клыки развиты гораздо заметнее, но общее строение челюсти ничем не отличается от человеческой. И где же у нас болит, м-м-м?

По моим ощущениям, уникальный сорнячок начинает действовать секунд через десять после попадания в рот. Сделаем поправку на концентрацию сока в воде и на неизвестную физиологию орков, выждем почти полминуты. Та-а-ак... а кровить почти перестало, тут я попала в цель.

Чтобы понять, какая такая пакость так донимала клыкастого персонажа, пришлось немножко сместиться, не загораживать солнце, пусть луч упадет на операционное поле. Для самоуспокоения я даже вспомнила, как однажды февральским вечером отключили электричество в клинике в самый-самый разгар процесса экстрадиции. Ничего, тогда справились и сейчас не оплошаем.

Да, так видно лучше. Начинаем смотреть и щупать. Интересно расположены зубы – в привычном порядке, но с заметными промежутками. Добротные такие щели между ними.

Предполагаю, что мой незадачливый предшественник, который уже вроде бы очухался, стал тоже щупать, словил реакцию и взялся за щипцы, не закончив толком диагностику. Мне проще. Смотри, Лилька, ошибки быть не должно!

А это что? Толпа зрителей уже загораживает свет.

– Отойти всем! Отойти, у самих зубы заболят!

Орать командным голосом от перемещения в другой мир я не разучилась, уже хорошо. И угроза подействовала. Одно напрягает – еще примут за ведьму. А, они ведь тут сами маги... некоторые.

Краем глаза заметила конный экипаж – коляску с кожаным кузовом. На запятках – стражи. Кто внутри, не видно, но взгляд ощутим.

Не отвлекаться! Пациенту почти не больно, но скоро станет скучно...

Вот оно! И не зуб, а какое-то инородное тело, впившееся в десну у корня 45-го премоляра. Еще бы, блин, оно не болело, воспаление налицо! Он что, ножом в зубах ковырял и сломал кончик?! Ладно, не важно. Вот сейчас – за щипцы. Качаем-качаем, тянем-потянем. Еще покачаем.

Клиент дергается, но терпит, только вращает глазами. Морозца, конечно, действует, но похуже химической заморозки...

– Ти-и-их-хо! Сейчас болеть не будет.

Качаем-тянем, качаем-тянем. Усилие на себя...

Вытянули репку! Тут же на это место растертой зеленой кашицы. Замычавший было пациент удивленно заморгал, вдруг перестав чувствовать боль. Уф-ф-ф...

– Бабуля, подойди, пожалуйста. – Я не глядя помахала рукой и через пару секунд почувствовала крепкую сухонькую лапку на своем плече. Лишний раз отметила, что бабка Му хоть ворчлива, но сообразительна. – Посоветуй, что из местных травок молодцу заваривать для полоскания, чтобы ранка очистилась и побыстрее зажило?

– Так ить... эта. – Бабушка Му сначала смутилась, а потом всерьез задумалась. – Ворошку же ж можно, милетицу опять же ж... А эта! Она в Зеленом ряду щас прям купить, я мешочек сделаю, разогреть в воде да и прикладывать. Ты как, милоч, живой тама? До Зеленого ряда есть кого послать-та? Али сам дойдешь?

Пока она инструктировала орка, я решила подробнее рассмотреть, что же за трофей добыт мною из пасти пациента. Хм-м-м... Черт его знает, зазубренный кусочек металла, уже с налетом ржавчины. Какого фига этот умник ел металлолом, спрашивается? Потом, небось, пытался эту дрянь из зубов выковырять, только своими пальцами-сардельками глубже вогнал. Ну и получил воспаление, дурень, хорошо, до заражения крови не дошло, видать, крепкий народ – орки. Иммунитет будь здоров.

– Обломок стрелы, – вдруг сказали у меня за левым плечом, и я вздрогнула. – Снифский ломаный наконечник. Да, повезло ему сегодня.

Я резко обернулась и встретилась глазами с давешним белокурым красавцем. Э-э-э... Вблизи и при дневном свете он уже не казался настолько кукольно-совершенным. Он был живым, серьезным, и от него веяло властью пополам с опасностью. Это сочетание делало мужчину еще красивее, и пару секунд я позволила себе полюбоваться ювелирной работой природы. Ну шедевр!

И именно в этот момент до захлопнувшего пасть орка дошло, что боль если не исчезла совсем, то заметно уменьшилась. Он озадаченно подвигал челюстью из стороны в сторону, прямо как кареткой старинной пишущей машинки, и снова открыл рот, на этот раз от удивления.

– Как эта? А ты что ж сделала?! – недоуменно спросил он.

– В следующий раз, любезный, не ковыряйте стрелой в зубах, – вздохнула я, мысленно стараясь отгородиться от того странного чувства, которое буквально накатывало при одном взгляде на белокурого представителя власти. – Вообще без зубов останетесь. Зубы надо чистить тряпочкой, желательнo обмакнув ее в мел. Можно с травками. И потом прополоскать рот отваром. Надолго забудете про зубодеров, гарантирую. А это – сохраните на память.

– Ты, милоч, слушай, когда умную вещь говорят, – влезла бабушка Му. – Давай денежку, как обещался, да пошли, траву-та купим тебе. Али не хочешь?

Орк еще пару секунд размышлял, а потом радостно взревел, сунулся было ко мне, напорлся на строгий взгляд и вдруг подхватил пискнувшую от неожиданности бабульку, закружил ее, хохоча и подбрасывая.

– Охти, оглоед! – тоненько верещала бабка. – Пусти, ирод, пусти, а не то веником по пустой балде дам!

Базар радостно ржал, наблюдая бесплатное представление. Ждали-то, небось, триллер – оторванную голову. Или хотя бы расплющенную. А вышла – комедия.

Глава 16

Лимеас из клана Остролиста:

Уверенный взгляд – это хорошо. Хорошо, когда собеседник смотрит спокойно, не боясь. Или даже боится, но страх надежно прячется на дне его глаз. Залюбуешься.

Вот только я не философ. Я начальник стражи, поэтому волей-неволей оказался в положении, когда такие уверенные, умные, бесстрашные, бесстрастные и кристально честные взгляды можно коллекционировать. Например, взгляд убийцы, рассказывающего, как давно и крепко он дружил с покойным, как известие о гибели друга поразило его в самое сердце. И не знающего, что за ширмой ждут двое свидетелей преступления.

Или взгляд богатенькой вдовушки, получившей за свои страдания при старике деньги и относительную свободу. И ничего не имеющей против пикантного романа с легендарным, хотя и страшным Отступником.

Так вот. Каких только взглядов я не повидал за время своей работы. Но вот такого еще не было. Острый, быстрый и в то же время легкий, без враждебности, без неприязни. Мой внешний вид явно пришелся по вкусу де... нет, все же женщине. Но она при этом не впала в экзальтацию и не собиралась испускать восторженные вздохи и ловить каждое мое движение. Она мной любовалась как... произведением искусства. С удовольствием, но без вожделения. Красивая статуя, но я ее не хочу – вот что сказали мне ее глаза.

И поневоле я сам, как говорит наш секретарь-простолюдин, «занозился». Эта женщина стоит того, чтобы узнать о ней больше.

Вот, например, глаза умеют лгать. Руки – нет. И я только что увидел, как руки этой женщины сделали то, что смог бы далеко не каждый мужчина. А быть может, ни один мужчина в этом городе.

И без магии. Я бы почувствовал, что рядом творится ворожба, мне для такой мелочи амулеты не нужны.

В голову лезет пошлая фраза из бульварной книжки или водевиля: «Я хранитель покоя горожан, поэтому мне интересны все необычные происшествия». Нет, это не так. Меня интересует не необычное происшествие. Мне интересна эта необычная женщина. И вопросов с каждой нашей встречей становится только больше. К примеру, почему такая мастерица ходит в застиранной холстине? То, как уверенно она работает, командует, как она одним движением ресниц остановила радостное буйство пациента и перенаправила его в нужное русло... Далеко не каждая хозяйка большого и богатого дома умеет так уверенно управляться со служащими или гостями и привычно ждет от них послушания.

Я прищурился, прокручивая в голове возможные варианты – кто она? Изгнанница из клана? Незаконный ребенок кого-то из высших? Кто? Откуда умение лечить? Тем более зубы. Благородных девиц такому не учат даже в элитных заведениях.

Я задумчиво потерял кант на форменном плаще и уже собирался задать странной женщине несколько вопросов, но мне помешал Флессан. Он выскочил из экипажа и спешил ко мне. На кожаной накидке сидел быстрокрыл.

Срочные новости хорошими не бывают – мне показалось, будто у помощника заболел еще один зуб. Когда я взглянул на донесение, то сам себя выругал: зачем вспоминал давние истории с убийствами?

Накаркал. Хуман бы побрал это все...

Теперь мне будет некогда думать о посторонних женщинах, их загадках и необычных глазах. Надо возвращаться в управу.

Уже направившись к экипажу, я вспомнил о том, что Флесс так и не решил свою проблему, и досадливо поморщился. Ладно, подожду, подумаю.

Лилька:

Сама не ожидала от себя такой меркантильности – все же я врач государственной поликлиники. Но меня даже не так обрадовало, что я стопорнула пациента суровым взглядом с одной попытки. Важнее оказалось – заплатит или нет? Я уже понимала, что заработанного хватит и хорошо поесть, и приодеться, и сделать новый взнос краугольному камню. И еще на кое-что важное.

К счастью, эйфория не обернулась забывчивостью. Орк протянул монету и отправился с бабушкой Му в Зеленый ряд. Игги семенил рядом, время от времени оглядываясь на меня и знаками показывая, что щас-щас, сию минуту вернется, подожди, мол. Зная характер бабки, я не сомневалась – орку сегодня придется еще потратиться. И не только на травки. Ой! Забыла! Надо ж бабушке намекнуть было, что продавцы в Зеленом ряду тоже заработают на таком покупателе, так что неплохо бы с них поиметь процент... Или рано? Надо двух-трех подвести, а потом и разговор начинать? Пожалуй, так правильнее.

Пока я стояла и раздумывала на всякие интересные темы, диспозиция в Цирюльном ряду поменялась, и вдруг обнаружилось, что я осталась одна, потому что эльф-красавчик, опознавший в орочьих зубах стрелу, тоже куда-то делся. Жалко, красивый, зараза. Мне всегда лучше думалось, когда я смотрю на красивое. А сейчас мне есть о чем подумать.

Так вот, оказалось, что одиночество мое совсем некстати, так как стоило мне расслабиться – и я тут же стала жертвой нападения. Напал на меня не разбойник из-за угла, а тот самый окорзиненный гномик, уже, оказывается, пришедший в себя после общения с орком-пациентом. Очухался, хмырь бородатый, увидел у меня в руке золотую монету, которую мог бы заработать. И решил возмутиться такой вселенской несправедливостью.

– Красавица! Ты мою корзину брала? Брала. Инструмент брала? Брала. За место платила? Нет. Клиента увела! Вот тебе два сребреника... ладно, три, по доброте моей, а это давай мне! – И он попытался цапнуть золотой кругляш, который я все еще рассеянно крутила в пальцах. Правда, рассеянность моя моментально кончилась, и монета бородатому не досталась. Гномик насупился и воинственно встопорщил растительность на лице.

Вокруг одобрительно гудели его коллеги-цирюльники, которым на фиг не нужна была на их рабочем месте непонятная выскочка-конкурентка. Остальные базарные зеваки просто глазели и переговаривались, но в целом я уловила настроение: за меня никто заступаться не будет.

Отбиваться придется самой. И сделать это надо так же, как и экстрадировала инородный предмет из пасти орка, – быстро и точно. Только без анестезии.

– Золотушку тебе отдать? А что ты еще хочешь? Хочешь, я к тебе в подмастерья пойду? Бородатая слегка оглушенная рыба проглотила наживку с крючком.

– А... ну, вообще... можно подумать. – Было понятно, что гном издевается, но некая мысль уже ищет в густой шевелюре путь к его черепной коробке. – Только смотри, хозяин я строгий да требовательный.

– Что же ты от учеников требуешь? – спросила я с искренним любопытством.

– Ну, черную работу делать: топить очаг, носить воду, корнеплоды чистить. В работе – инструмент подавать, мыть. Иногда доверю трудное дело, на испытание, как сейчас. Парнишка в подмастерьях пять лет обычно. Девка – дело особое, ну, десять давай.

Я с трудом сумела подавить смех.

– А еще я могу менять пеленки.

– У меня детеныша нет, – слегка ошарашенно ответил гном.

– Тебе менять пеленки. Качать тебя в колыбели, петь песенки и рассказывать, как надо лечить зубы, чтобы тебе платили деньгами, а не подзатыльниками. Потому что ты зубы лечить не умеешь, и это все сейчас видели.

Толпа вокруг взорвалась ревом и смехом, ржали даже коллеги-цирюльники.

– А за аренду инструмента – две медяшки, – уверенно сказала я, ни капли не заботясь о том, что в кармане у меня вошь на аркане. Ничего, выкручусь.

Глава 17

Лимеас из клана Остролиста:

Донесение было кратким, понятным и исчерпывающим. Ничего лишнего, но я будто побывал на месте происшествия.

Молодая эльфийская вдова Энтуниэль, совладелица ювелирной лавки, постоянная подруга гнома (деликатно не написали «сожительница»). Наш беспокойный народ встает рано, вот она и пошла на рассвете в лавку. В большом городе всегда найдутся чудачки, готовые купить ожерелье через час после рассвета.

Ночью лавку охранял сторож, но сама Энтуниэль шла без охраны и до лавки не добралась. Обнаружена в Малом Горшечном проулке, куда по собственной воле забрела бы вряд ли, но затащить с Прямой улицы – нетрудное дело.

В донесении сказано только «убита и, возможно, ограблена». Если на несчастной Энтуниэль нет драгоценностей, то не «возможно», а точно. В ювелирных лавках женщины работают редко, но если работают, то всегда надевают драгоценности – на показ клиентам.

Хорошо, что убита без надругательства. Надругательство повышает опасность, что подозреваемых будут рвать на части без суда. По моему опыту, в первую очередь – невиновных.

Плохо, что в донесении не указан способ убийства. Значит, есть какой-то важный нюанс, о котором лучше лишний раз не говорить и не писать. Который, конечно же, очень скоро всплывет слухами и придаст истории дополнительный смысл. Тот смысл, от которого в городе станет не спокойней, а наоборот.

Впрочем, мне и так понятно, о чем будут говорить, прежде всего в эльфийском Доме и гномьем Доме. Гномы – что жизнь гнома с эльфийкой ничем хорошим не кончится и что случившееся к лучшему, не успела гнома довести до ручки, так как ювелирка не эльфийское занятие. Эльфы – конечно, ужасно, что случилось, но всё к лучшему – не будет испорчена раса. Найдется несколько особо мутных личностей, которые скажут: «Эти убили, чтобы не обанкротила», «свои убили, чтобы не родила смеску».

Но эти разговоры – тишайшим шепотом. Вслух во всем Городе заговорят, что по улицам пройти нельзя: то стража облаву устроит, то женщину убьют почти среди бела дня. Мы платим налоги, вы должны обеспечить нам покой!

Я не буду никому объяснять, что девушка с мешком золота может безопасно гулять в любое время суток только в выдуманном городе. Я просто найду убийцу.

Конечное, многое сделано уже без меня. Оцеплено место происшествия. Собраны свидетели – всякий, кто мог видеть и слышать. Пущены поводьры с нюхачами, правда, они наверняка убедились, что злодей замел следы. От почтенного старческого отдыха оторвали лучшего мага-прошловидца. Он будет на месте преступления через час и, конечно, не сможет сказать, кто убийца, его способности так далеко не простираются. Но вполне возможно, обратит наше внимание на какие-то мелочи, которых не учел преступник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.